

Наталья Баклина

Неделя странного лета

Мистика любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталья Баклина
Неделя странного лета...

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Баклина Н.

Неделя странного лета... / Н. Баклина — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

Как быть, если жизнь — рухнула? Сбежать на край света! Анна и сбежала, отправившись в поход в место Силы в компании странных людей. Но от себя не убежишь, да ещё соседка по палатке — та ещё провокаторша. Анне приходится разбираться со своими чувствами и желаниями в экстремальной обстановке. И понять, что желания здесь сбываются быстро. Даже высказанные в сердцах. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Баклина
Неделя странного лета

История о любви в запредельных обстоятельствах

Роман написан на основе впечатлений от одного похода, творчески переосмысленного и разбавленного изрядной долей авторской фантазии. События и персонажи – большей частью выдуманные. Декорации и эмоции – настоящие.

О своём порыве Анна тут же пожалела, поняв, что придётся полностью раздеться и улечься рядом с голым мужчиной. С чужим голым мужчиной. «Только бы не Кирилл!» – взмолилась она, зажмурившись, чтобы не видеть людей вокруг. Легла, вытягиваясь рядом с неподвижной Янкой и прижимаясь к её боку. Бок был ледяным, и Анну пробрало до дрожи. Если бы знать, к чему приведёт побег от мужа! Чем обернётся поход в компании этих случайных людей! И хоть немного представить, какими силами она тут столкнётся и к чему приведёт её взрыв ненависти к Янке! Её жгучее, мстительное пожелание смерти! Но заранее никогда ничего не известно. Всегда случается то, что случается. И сейчас так случилось. И всё, что она может – это исправить то, что возможно исправить. И если ради этого необходимо лежать нагишом посреди леса...

Лесовик поднёс к её губам кружку. Анна послушно глотнула отвара – он горчил и отдавал прелыми листьями – и приготовилась ко всему, что сейчас произойдёт...

Часть первая

Хочу, чтоб она умерла

Глава 1

Анна никак не ожидала, что Ленинградский вокзал в два часа ночи будет переполнен людьми с рюкзаками. Она была уверена, что чудиков, кто в разгар лета пойдёт на Север, а не куда-нибудь в Ялту или Сочи, только на их группу и наберётся. Она даже чуть было не кинулась здороваться и знакомиться с парой ребят с рюкзаками, зашедших в вагон метро на Чистых прудах и доехавших вместе с ней до Комсомольской. Подумала – они из её попутчиков. Но не кинулась, и правильно сделала: те хоть и спешили к тому же поезду, но остановились у девятого вагона. Впрочем, и возле нужного ей тринадцатого уже толпился народ. «Эти – точно наши», – узнала Анна Арсения. Этого кудлатого блондина с белёсыми бровями, организатора и предводителя вылазки на Синь-озеро, она запомнила хорошо. Остальной народ за две предшествующих поездки встречи запомнился не очень, и теперь Анна смотрела на всех – на девушку с роскошными густыми волосами и ровным, без эмоций лицом, на невысокого худого курчавого блондина, на ещё одну девушку, смуглую и совсем молоденькую, державшуюся поближе к Арсению – как в первый раз.

– Здравствуйте, – кивнула она, подойдя, – не ожидала, что здесь окажется столько людей с рюкзаками.

– Путешествует народ, – отозвался Арсений, переведя на неё взгляд бледно-серых глаз. И Анна в очередной раз поразилась, насколько блёклое и невыразительное у него лицо, насколько сдержана мимика.

– Всем привет! – подошёл к их компании ещё один турист. Его Анна узнала: на второй встрече он сидел на соседнем стуле и напористо выяснял, можно ли будет обратно в Москву улететь самолётом. Вслед за ним подошли рыжеватая женщина и девчушка лет семи. Обе – с огромными рюкзаками за спиной.

– Знакомьтесь, это Римма и Дина, – кивнул турист сначала на женщину, потом – на девчушку.

– Ох, а не тяжело будет вашей девочке? – не сдержалась Анна. Такую кроху тащат в поход с рюкзаком, не дойдёт ведь!

– Нормально, она у нас ходящая, – сделал успокаивающий жест глава семейства, – с семи лет в походы ходит.

– А сколько ей? – удивилась Анна. На вид девчушке и было лет семь, не больше. По крайней мере, её Данька-Данилка в свои девять был гораздо выше и крупнее этой крохи.

– Мне десять, – глянула девочка серьёзными серыми глазами. И Анна заставила себя успокоиться. Дойдёт – не дойдёт... В конце-концов, родителям виднее!

– Народ, салют! Кого ждём, меня? Я вот она, я уже здесь! – заорали слева.

Анна оглянулась, – к ним приближалась крепкая щекастая девушка. Подошла, скинула с плеча рюкзак в середину круга и гаркнула:

– Степаныч, привет! Чего стоим, кого ждём?

– Здравствуй, Яна, – невозмутимо посмотрел Арсений. – Мы посадки ждём...

– А она уже началась! – весело возвестила Яна и махнула рукой в сторону вагона. – Дождались! Идём, что ли, садиться? Хотя нет, по стойте минутку. Андрюха, сфотографируй нас всех!

На Янин призыв отозвался парень, такой же крепкий, черноволосый, щекастый и курносый, – видимо, брат, – и начал щёлкать камерой в мобильнике.

– И кучу рюкзаков сфотографируй! И меня одну! И Степаныча крупно! – вошла во вкус Яна, но Арсений спокойно вытащил свой рюкзак из круга и прервал фотосессию:

– Садимся.

Место Анне досталось аховое – верхняя боковая плацкарта.

– И как мне здесь две ночи ехать?

Она растерянно посмотрела на курчавого блондина-попутчика, и тот понял её правильно:

– Хочешь, поменяемся? На верхнюю небоковую пойдешь?

– Пойду, – благодарно кивнула Анна.

М-да, всё опять не так, как ей представлялось. Ей представлялось, что у них будут места сплошняком, сразу на несколько отсеков. И поедут они большой дружной компанией... А Арсений, похоже, остатки билетов выкупал, места по вагону разбросаны. Хорошо, хоть не возле туалета. Возле туалета места достались самому Арсению и смуглянке, которая так и держалась к нему поближе.

– Посторонись! – рывкнули у Анны за спиной, и она поспешно втиснулась за столик у окна. Два коренастых бородача протащили мимо нечто увесисто-продолговатое. Внесли в соседний отсек и начали искать багажу место. Нечто продолговатое уместилось на третьих полках, образовав перемышку у потолка вагона.

– Катамараны везут ребята, сплавляться собрались, – сказали у Анны за спиной, и она перевела взгляд на голос. Со второй стороны столика сидел парень и наблюдал за вознёй катамаранщиков с неопределённой улыбкой.

– Да, только в плацкарте такое и возить. Ели бы взяли купе, фиг бы они свой катамаран втиснули, – подал реплику блондин, уступивший Анне полку.

– Посторонись! – опять рывкнули в проходе. Теперь по проходу тащили огромный увесистый рюкзак и рывкали на Арсения, пытавшегося пройти к началу вагона.

– Слушайте, ребята, как вы такие тюки вообще поднимаете? – невольно вырвалось у Анны. Её плечи уже ныли от собственного, пустякового на фоне этих тюков, рюкзака, хотя она и несла-то его от дома до метро, да от метро до вагона.

– А это у нас лёгкий рюкзак, женский, – хмыкнул в ответ парень.

– А какие же тогда у вас женщины? – изумилась Анна. – Где они, покажите их нам!

– А женщины у них в этом рюкзаке. Надувные, – сказал Арсений, выбираясь в наконец освобождённый проход.

И в ту же минуту на нём повисла молодая блондинка:

– Сенечка, милый, здравствуй! Я так спешила, чуть не опоздала! – выдохнула она томным голосом, обвила его шею и впилась в губы долгим поцелуем. Арсений на поцелуй отвечал с явным удовольствием, оглаживая девушку широкой ладонью по худой спине. Две дамы в возрасте, лежавшие на нижних полках как раз напротив, наблюдали за поцелуем, осуждающе поджав губы.

«Ого! – удивилась Анна. – Ничего не понимаю! У него, получается, с этой томной блонди роман? А как же тихая смугляночка? Просто так к нему жмётся?».

За спиной блондинки возникла шумная Яна:

– Степаныч, дай пройти, хорош обжиматься на проходе!

Поцелуй прервался, и Арсений повёл блондинку к полкам возле туалета. Яна двинулась следом и зачарованно застыла, увидев тюки соседей:

– Мужики! Я горжусь, что еду с вами! Только настоящие мужики могут утащить столько груза! Что там у вас, если не секрет?

– Рюкзак спиртяги, рюкзак закуски, и так, по мелочи, – растаял от похвалы самый молодой из мужиков и постучал по массивному тюку на третьей полке. Рюкзак стеклянно звякнул.

– Во, слышишь?

– Ну, вы – мужики! Ну, вы – сила! – восхитилась Янка, пошла дальше и уже через минуту опять шумела на весь вагон:

– Ненавижу нижние полки! Кто со мной поменяется? Рядом со Степанычем нижняя полка, меняю на верхнюю!

– Во, атаманша, а?

Это сказал парень, сидевший с Анной за столиком, и она отвлеклась от Янкиных криков.

– Не дай бог такой в руки попасть, нагрузит по полной программе! – продолжал он.

– Точно, ещё и свой рюкзак сверху навесит, скомандует нести, и понесёшь как миленький! – согласно покряхтел блондин.

«Ага, боитесь сильных женщин», – мысленно усмехнулась Анна. Лично ей Янка понравилась: девушка без комплексов, что на уме, то и на языке. Было всё интереснее наблюдать, как разворачиваются события, – она будто спектакль какой-то смотрела. Тем временем в их отсеке появились ещё двое – мужчина явно за сорок и парень лет семнадцати.

– Так, Павлик, вот твоё место, – хлопнул мужчина по свободной верхней полке. – Располагайся. Всем привет! Мы едем в одной группе!

– Здравствуйте, – кивнула Анна.

– Давайте знакомиться, – предложил мужчина и первым сунул ей неожиданно горячую ладонь, – Андрей! А это – Павел.

– Анна, – кивнула Анна сразу обоим, и мужчине и пареньку.

– Сергей, – представился блондин.

– Кирилл, – сверкнул улыбкой парень за столиком, и Анна словно споткнулась.

Отстранённость, с которой она наблюдала за попутчиками, дала трещину... «Что такое? В чём дело? Ну, Кирилл, ну зовут парня так же, как этого... Ну и что с того? Ты зачем, матушка, в этот поход сорвалась? Чтобы отвлечься и забыть? Вот и забывай, и нечего за имя цепляться. Наблюдай лучше за народом, вон, забавные какие собрались. И не смей страдать!»

Поезд тронулся плавно, без рывков, почти незаметно. Соседи-катамаранщики накрыли столик и, несмотря на полуночное время, раскупорили литровую бутылку водки. Проводник проверил билеты, Анна забралась к себе наверх. Думала, что уснёт не скоро, будет ворочаться, как ворочалась дома вот уже две недели. Но нет, стоило только коснуться подушки, и стук колёс слился в сонный гул, баюкавший её до самого утра.

Первое, что Анна увидела утром – серые глаза Кирилла. Он лежал на нижней боковой, смотрел в её сторону и, поймав её взгляд, улыбнулся:

– С добрым утром!

– С добрым, – холодно кивнула Анна, лихорадочно прикидывая, насколько сильно помято её лицо. М-да, давненько её не разглядывали по утрам чужие мужики. А если честно, то и вообще никогда. И как-то не хочется выглядеть лохудрой...

Она сползла вниз, стараясь быть максимально грациозной, и поспешила в туалет. На местах перед туалетом, где ехал Аресний, на одной из нижних полок спали двое: из-под простынки, натянутой на головы, выглядывали широкие мужские ступни и узкие девичьи. Вторая нижняя полка оставалась пустой. На одной из верхних полок спала девчушка, что вчера влюблённо жалась к Арсению («Так и есть, у него роман с блондинкой, это она с ним под простыней» – догадалась Анна), вторая верхняя тоже пустовала. («Интересно, куда Яна делась? Ага, вон, на третьей полке лежит, альпинистка»). Впрочем, все эти рокировки с полками её интересовали постольку-поскольку. Главное было понять, какое у неё спросонья лицо.

Лицо, отразившееся в мутноватом туалетном зеркале, было не таким уж и мятым. Глаза только припухли. А так – ничего. Гораздо лучшая картинка, чем она видела в домашнем зеркале последние две недели. Так что зря она, наверное, отворачивалась от Кирилла. На такую физиономию пусть смотрит. Это даже приятно. И вообще, а не закрутить ли ей лёгкий роман-

чик? Не развеяться ли? Парень-то и вчера на неё поглядывал – когда за столиком сидела, щекой его взгляд чувствовала, – и сегодня её, спящую, похоже, разглядывал... «А что, натяну нос Кирюхе с его тёзкой, будем квиты... Он думает, только ему можно... А вот и я не лыком шита, не пальцем делана! И на меня смотрят... молодые». Анна хмыкнула, показала себе в зеркале язык и пошла в вагон. Поход ей перестал казаться авантюрой и обещал превратиться в интересное приключение. Интересно, сколько ему? Лет тридцать пять, наверное. А ей сорок, подумаешь, пять лет разницы.

Мысль, что она нравится этому, другому, Кириллу, грела Анну до обеда. Тем более, что он то ли вежливость проявлял, то ли взялся ухаживать... За чаем сбегал, картошку от мундира для неё очистил, помидоры нарезал, придвинул. Правда, и картошка, и помидоры из пакета Сергея-блондина были, ему жена в дорогу собрала. Но Анна отмахнулась от этой мелочи – хлопоты Кирилла ей были приятны. Хотя неопределённость (Вежливый? Или ухаживает?) всё портила. Ей хотелось развития отношений, но она не представляла, каким образом. Легко сказать: закручу романчик. А с чего начать? Пококетничать, что ли? Знать бы ещё, как! Да и не было у неё полной уверенности, что Кирилл ухаживает. Может, он просто воспитанный такой, а тут она, дура-дурой со своим кокетством.

Все эти мысли шли параллельно болтовне за столом с блондином Сергеем.

– А ты чем в Москве занимаешься? Где работаешь?

– Да нигде сейчас не работаю. Вообще-то я бухгалтер, но после того как у Арсения тренинг по построению целей прошёл, понял, что работа эта у меня во где, – он попилил у горла ребром ладони.

– Построению целей? Как это? – встрепелась Анна.

– Ну, чётко выстраивать цели, понимать, зачем тебе нужно то, чем ты занимаешься... Короче, умение задавать себе вопрос «Зачем?», – объяснил Сергей. – Я вот задал, и послал работу к ядрёной бабушке.

– И на что теперь живёшь? – спросила Анна после паузы, переждав взрыв веселья за своей спиной. В соседнем купе Янка играла в преферанс с «катамаранщиками» и отчаянно матюгалась на «непруху».

– Да пока есть на что. Я фирму открывать собрался. Консалтинговую, по организации бухчёта на предприятии. Ну там, знаешь, программы бухгалтерские, складской учёт, – Сергей покрутил в воздухе бутербродом с колбасой, откусил и придвинул к Анне пакет с нарезкой сервелата – Бери, вкусная колбаса.

– Нет, спасибо, я уже на жизнь без мяса перешла, – отказалась Анна. – Раз в походе без мясного живём, то я и здесь лучше картошки с помидоркой поем.

– Зря! – ещё раз откусил от бутерброда Сергей. – Больше недели ведь без мяса будем, надо подготовиться! Кирилл, а ты чего колбасу не берёшь, тоже на вегетарианский режим перешёл?

– Да я из него и не выходил, – улыбнулся Кирилл, посмотрев на Анну. – Я ведь сюда прямо из Жизниграда поехал. Неделю там провёл, тоже без мяса, привык уже.

– А где этот Жизниград? – сосредоточилась Анна, перебирая в памяти названия подмосковных городков.

– В этом году в Луховицах сделали, – Кирилл постучал по углу столика сваренным вкрутую яйцом.

– Так это не город! – догадалась Анна.

– А ты что, не слышала о нём? – удивился Сергей. – Это же культовое место московской эзотерической тусовки!

Анна неопределённо повела плечом – не слышала.

– Его летом проводят, обычно в июле, – начал объяснять Кирилл, перебив Сергея, который хотел о чём-то спросить Анну. – Собирают палаточный городок в каком-нибудь месте, и

приехать туда могут все желающие. И московские ребята, которые ведут свои тренинги по всяким духовным практикам, там устраивают бесплатные семинары, знаешь, вроде презентаций.

– Духовные практики? Ты имеешь в виду йогу, цигун, холотропное дыхание и тому подобное? – сообразила Анна. Про эти штуки она слышана, спасибо подруге Жанке, просвещает время от времени. Да и на сайтах почитала, пока бродила в тоске по Интернету.

– Ну да, и это, и ещё много чего. Там много интересного. От Арсения девушка была, Вета, показывала его метод работы с голосом. Я с ними и попел душевно, и подвигался.

Кирилл прикрыл глаза и повёл плечами, сохраняя на лице свою неопределённую полуулыбку. Анна отметила пластику: ей вдруг представилось, как гибко и свободно будет двигаться этот человек, дай ему место.

– Ты танцор?

– Я? Нет, – снова улыбнулся Кирилл, открыв глаза и опять поймав взгляд Анны. – Я строитель.

– Дома строишь?

Анна перевела взгляд на кружку с чаем. Что же происходит такое? Почему он так на неё смотрит, и почему она не может долго выдерживать его взгляд?

– Нет, не дома. Мы пустые заводские корпуса в бизнес-центры переделываем. Недавно бизнес-парк «Парус» закончили.

– Так это вы его делали? – встрепенулась Анна. Я знаю это место, там редакция «Зоны влияния» находится!

– А ты там работаешь? – отчего-то обрадовался Кирилл.

– Нет, уже не работаю, – потухла Анна. – Так, пишу им иногда.

– Ну, и как тебе дизайн интерьера редакции? – не унимался парень. Ему явно хотелось похвалы.

– Интересно получилось, стильно. Я ведь с нуля наблюдала, как всё меняется.

Анна вспомнила пустые цеха с проёмами вместо окон и крутую щербатую лестницу.

– Вы там мощно всё переделали, из руин такую штуку собрали. Только не люблю я этот «хай-тэк», у меня от него мороз по коже. И когда людей всей кучей собирают в комнатах с перегородками, как в курятнике, тоже не люблю.

– Ну, заказчик так захотел, – пожал плечами Кирилл, и Анна согласно кивнула. Ей ли не знать, чего хотел заказчик.

Она по этому поводу с Виктором, владельцем-издателем, спорила до хрипоты, доказывала, что людям нужны комфортные условия, особенно творческим. А сидение в одном загоне, пусть и разгороженном, это издевательство над персоналом. Но потом, когда Анна ушла из журнала, Виктор всё-таки сделал по-своему. И девчонки, когда она к ним забежала по старой памяти, жаловались, что в этих бывших цехах, среди голого кирпичного пространства, сдобренного стеклом, стальным профилем и блестящими алюминиевыми воздуховодами, змеящимися под высоченным потолком, они чувствуют себя мелкими шестерёнками какого-то бездушного механизма. И журнал, изданный в этом цеху, явно стал хуже, безжизненнее, что ли. Или это ей хотелось, чтобы таким стал?

Сергей, пока они обсуждали плюсы и минусы «хай-тэка», сбегал выбросить мусор и вернулся, крутя курчавой головой.

– Ну, народ даёт! Там у Арсения ладят друг друга вкруговую, человек шесть собралось, куча-мала!

– Что там делают? – не поняла Анна.

– Ладят! Это массаж такой, славянский, – объяснил Кирилл. – Хочешь, ноги тебе полажу? Поправлю, к походу подготовлю.

«Ага, всё-таки ухаживает!» – смекнула Анна и огляделась, не смотрит ли кто. Тётки на нижних полках читали газеты.

– А где поправлять будешь?

– Да здесь. Сейчас столик уберём, сядем на полке, я тебе ножки и промну. Хочешь?

– Давай, – кивнула Анна, слегка волнуясь. Вот оно, начинается роман!

Кирилл собрал полку, уселся сам и усадил Анну ногами к себе. Осторожно помял стопу, прошёлся медленными бережными движениями по икре, будто лепил её заново. Поначалу было приятно, а потом лёгкое надавливание в середине икры оказалось болезненным.

– Больно!

Кирилл посмотрел внимательно:

– Я совсем легко касаюсь. Что-то у тебя тут сидит. Ты знаешь, что в ногах законсервированы все наши плохие эмоции и стрессы?

– Да? Ну, тогда у меня тут полно консервов, – пошутила Анна и опять зашипела от боли.

Однако после нескольких надавливаний болезненность из икры ушла, и нога будто наполнилась лёгкими прохладными пузырьками.

– Отпустили твои зажимы, – улыбнулся Кирилл, не сводя глаз с её лица. – У тебя даже правая сторона лица изменилась, расслабилась. Давай, левую ногу поправим.

Он опять размял ей стопу, теперь левую, покрутил ногу в голеностопе, начал проминать икру лёгкими чуткими пальцами. И вдруг очередное надавливание отозвалось болью, от которой защемило сердце. Точно так же сердце щемило тогда, после того ужасного, невозможного телефонного звонка.

– Кирилл! – глухо сказала Анна вставшему перед глазами лицу мужа и шумно задышала, стараясь не разреветься на потеху соседкам, подглядывающим из-за газет на их массажное действие.

Другой Кирилл взглянул вопросительно, но Анна уже закрыла глаза и тихо постанывала, пытаясь справиться с валом нахлынувших вдруг эмоций. Она еле дождалась, пока он закончит со второй ногой, благодарно кивнула и полезла на свою полку. Сдерживать слёзы уже не было никакой возможности.

«Почему я сразу не заметила, что он так похож на Кирюху? – думала Анна, накрывшись одеялом с головой и сглатывая солёные слёзы. – И повадки те же, и вкрадчивость эта расплагающая. И даже подходы всё те же, массажные, как у Кирюхи». Она глухо всхлипнула под одеялом и перестала сопротивляться воспоминаниям. Да, массаж. Именно с этого у них всё и началось.

Анне тогда было почти тридцать, и она считала себя верной женой. Правда, в последние пару лет Дмитрий Ильич что-то совсем перестал её радовать. Но ведь физиология же не главное, что может быть между мужчиной и женщиной? Ведь душевная близость гораздо важнее какого-то там пошлого секса, разве нет? Про близость и физиологию Анна себе твердила, начиная, наверное, с третьего года их брака. Именно тогда у Дмитрия Ильича начали случаться в постели осечки, и Анна, напоминая себе, что зато у них полная духовная близость, как бы замазывала этими напоминаниями проблемы близости физической. А что делать? Разница в возрасте даёт о себе знать. Это когда она замуж выходила двадцатилетней студенткой, он был красавцем мужчиной сорока шести лет, а теперь уже за пятьдесят ему...

Дмитрий Ильич читал у них на факультете журналистики теорию и практику тогда ещё советской печати и приносил на занятия по стилистике кипы районных газет. Они, студенты, на этих газетах учились, как не надо писать. Разбирали бесконечные перлы районных акул пера – там были и «налитые золотистым солнцем тугие колосья», и «неутомимые стальные труженики полей», и «горящие трудовым задором светлые лица колхозников» и даже, Анна до сих пор помнила, «повышенные обязательства крупного рогатого скота удвоить надои вдвое».

Все эти перлы Дмитрий Ильич разбирал с таким виртуозным остроумием, что студенты чуть ли под столы не сползали от смеха. Коровы, взявшие на себя повышенные обязательства

по удвоению надоев, рассмешили настолько, что Анна даже лбом о крышку стола тюкнулась – сложилась от хохота пополам. Тюкнулась, быстро выпрямилась, встретила с весёлым взглядом Дмитрия Ильича. И поняла, что влюбилась.

С месяц она млела, поедая глазами своего кумира и ни на что не надеясь. Да и на что тут было надеяться? Кто она? Невзрачная замухрышка в немодной юбке и пёстром свитере, связанном мамой из ниток, добытых из старых распущенных кофт. Робкая девственница, которой всегда нравились яркие мужчины, не обращавшие на неё никакого внимания. И кто он! Уверенный в себе профессор, блестящий, остроумный, неотразимый! А потом Дмитрий Ильич пришёл к ней домой с букетом цветов и попросил у мамы руки её дочери. Аниной руки. «Ань, ты-то как, согласна?» – повернулась ошеломлённая мама в её сторону, но, увидев глупо-счастливое лицо дочери, застывшей с недопитой чашкой чая в руках, не стала дожидаться ответа. «Если Анюта согласна, то я-то что. Женитесь. Вы человек взрослый, серьёзный, за поступки свои отвечаете».

Так Анна стала женой профессора Костина. И, в общем-то, почти все десять лет их совместной жизни она ни разу об этом не пожалела. Или почти ни разу. Не считать же случаи невольной досады, когда Дмитрий Ильич отваливался от неё, разгорячённой, и бубнил: «Прости, девочка моя, что-то я сегодня не в форме. Иди на плечико, я тебе спинку почешу». Анна подставляла спинку и вспоминала, какой он у неё умный, какой талантливый, сколькому он её научил. Это ведь только благодаря ему она узнала, что такое жизнь в достатке, когда не надо считать рубли до получки, штопать колготки и маскировать аппликацией поеденное молью пальто. Это ведь благодаря его школе она стала таким классным журналистом. И редактором городского еженедельника она стала с его подачи. И собеседник он потрясающий, столько всего знает. И человек хороший, уважает её. И любит. А секс... Да бог с ним, с сексом. Правда, ребёночек у них никак не получается, это жаль. Ну да ладно, им пока и вдвоём хорошо, без ребёночка.

Последние два года вспоминать про таланты мужа ей приходилось постоянно – Дмитрий Ильич всё чаще приглашал её на плечико, иной раз даже и не делая попыток приласкать как-то ещё. Анне уже и сны стали сниться эротические, совершенно дикие, где она отдавалась каким-то грубым чужим мужикам в каких-то странных и непотребных местах. Ситуации в снах были неправдоподобными, а вот оргазмы от них – самыми настоящими, такими, что тело корчило в сладких судорогах и требовало своего...

Кирилл будто услышал эти призывы. Он был аспирантом Дмитрия Ильича и пришёл как-то к ним в дом обсудить с профессором какие-то моменты своей диссертации. Дверь ему открыла Анна и с первого взгляда на мускулистый торс, обтянутый тонким джемпером, почувствовала томление, схожее с тем, что накатывало на неё в душных снах.

Анна тогда накрыла мужчинам чай в большой комнате, а сама ушла, отговорившись, что у неё срочный материал в газету. Находиться в одной комнате с Кириллом она не могла – низ живота начинал ныть от одного его взгляда в её сторону.

– Анечка, может быть, ты посидишь с нами хотя бы пять минуток? – окликнул её муж через полчаса.

– Дмитрий Ильич, не могу, у меня жутко разболелась голова! – почти не соврала Анна. Голова и вправду стала тяжёлой от пульсации в висках и усилий прогнать видение мужского лица, крепких рук, поджарой широкоплечей фигуры, так и стоявших перед глазами и заслонявших листы с редактурой. Да, а у Дмитрия Ильича руки тонкие стали совсем. А живот вырос и округлился.

– Головные боли у вас от перенапряжения мышц плечевого пояса и воротниковой зоны! – Кирилл вошёл в её кабинет, и Анна почувствовала, что не может дышать. – Вам нужен массаж, а то так и до остеохондроза недалеко.

– Да где же взять массажиста? – пробормотала Анна, слегка повернув голову в сторону Кирилла.

– Ну, хотите, я вам плечи помну? Я умею!

Не дожидаясь ответа, Кирилл шагнул к Анне и начал быстрыми точными движениями проминать мышцы где-то на загривке. Анну от его рук будто током пробило, и она не сдержала стоны – все силы ушли на борьбу со сладкими конвульсиями, которые были на подходе.

– Больно? Это потому что мышцы забиты. Вам бы таких сеансов десять, и сами расслабитесь, и головные боли прекратятся.

Кирилл быстро продавил мышцы на её шее и отступил.

– В общем, советую вам найти себе опытного массажиста.

– А и вправду, Анечка, что-то ты со своей работой совсем заскорузла. И сутулиться начала, – сказал от дверей комнаты Дмитрий Ильич. – Надо позвонить в поликлинику, договориться, чтобы тебя на массаж записали.

Ночью ей опять снился эротический сон, только в этот раз главным действующим лицом (и не только лицом) был Кирилл. А утром, когда она сидела дома, заканчивая редакторскую правку, а Дмитрий Ильич читал лекции на факультете, в дверь позвонили.

– Ты? – отшатнулась Анна, увидев в дверях Кирилла.

– Я. Тебе ведь нужен опытный массажист? – шагнул он через порог. И Анна забыла, что она верная жена и вообще перестала понимать, проснулась ли она, или Кирилл ей всё ещё снится.

Конспиративные массажные процедуры они продолжали примерно с месяц, выискивая способы встретиться то у неё в квартире, то у него в аспирантском общежитии, то в квартирке у мамы, так кстати уехавшей к сестре в деревню. Потом Анна поняла, что беременна, Кирилл понял, что им нужно жить вместе. Дмитрий Ильич тоже всё понял – развод он дал без лишних осложнений и даже поднял кое-какие свои связи, когда узнал, что Кирилл с Анной собираются уехать в Москву. Благодаря его хлопотам Кирилл взяли парламентским журналистом в одно из центральных изданий. Анна, пока не родила Даньку, тоже пописывала в эту газету внештатно, за гонорары. И все десять лет, не считая последних нескольких месяцев, Анна ни разу не пожалела, что рассталась с Дмитрием Ильичом. Их отношения с Кириллом она считала душевными, доверительными и сексуальными. Такими, какой и должна быть, по её убеждению, настоящая любовь.

Глава 2

– Народ, я предлагаю всем собраться в нашем купе! Будет вводная часть тренинга!

Зов Арсения вытащил Анну из воспоминаний. Встряхнувшись, она спустилась со своей полки, пришла, села почти у самого окна, сразу после Янки. Рядом пристроилась томная блондинка, потом сел Арсений. Народ на полке напротив расселся тоже тесно – к девушкам, той, что с бесстрастным лицом и смуглянке, что жалась к Арсению, добавился незнакомый синеглазый парень с тёмной щетиной пробивающейся бороды и ещё одна, тоже незнакомая, девушка. Оба они, и парень, и незнакомка, выглядели необычно и очень контрастно. Парень – коренастый, кряжистый, медлительный, эдакий... Анна задумалась, подбирая сравнение... Нет, не медведь, мелковат для медведя, скорее – барсук. Девушка – тоненькая и порывистая, как оленёнок. И глаза соответствующие – миндалевидные, ясные, слегка испуганные. И парень, и девушка, были похожи на иностранцев. Он – на испанца, она – на индейскую женщину из племени майя. Именно так почему-то Анне и подумалось – майя.

Полки были забиты – дальше некуда. Однако, когда в проходе растерянно застыл Андрей, тот, что отправился в поход с сыном Павликом, народ на нижней полке напротив Анны смог потесниться ещё: просто сбились в многорукий-многonoгий клубок, освободив на полке пятое место.

Арсений медленно обвёл собравшихся взглядом светлых серых глаз.

– Народ, для начала я вам хочу рассказать про славянскую массажную практику. Она вам понадобится расслаблять мышцы после переходов. И понадобится обязательно, потому как многие из вас долгое время дальше, чем от дома до машины и от машины до офиса не ходили. И мышцы ваши с непривычки начнут болеть. И их надо будет ладить.

«Ага, Жанночка, будет и мне что рассказать тебе по приезду», – мысленно пообещала Анна, слушая про новый диковинный массаж. Массаж оказался совершенно простым – нужно было представить, что ты работаешь не с поверхностью руки, ноги, спины или головы – какую ты там часть тела мять собрался – а с объёмом, который эта часть тела занимает.

– Смотрите, вы как бы втекаете в пространство тела, – Арсений вытащил чью-то ногу из кучи-малы напротив. Нога была женской, но Анна так и не поняла, чья именно. – И начинаете его обминать, будто с глиной работаете, – он сделал плавное движение ладонями, – Или с тестом. Главное, не включать голову, не одумляться, тогда руки сами найдут места, где собрались напряжения и начнут их разглаживать. Попробуйте сами. Ноги мы пока трогать не будем, помните друг другу кисти!

Пришёл Кирилл, сел через проход, на самом краешке боковой нижней полки. Анна внимательно разглядывала свою кисть, старательно не замечая Кирилла. Поработать с ним в паре? Что-то страшновато после недавнего приступа! Но если он позовёт...

Позвала Янка.

– Паша, Паша, иди сюда, давай с тобой размассируемся! – заорала она над ухом Анны, делая приманивающие движения. Анна вздрогнула и поискала глазами Павлика. Павлик нашёлся на верхней полке, однако рукой Янка махала явно в другую сторону.

– И где я тут помещусь? – сказал Кирилл. Почему-то на Янкин призыв откликнулся он.

– А вот сюда лезь, – пригласила Янка и похлопала по небольшому промежутку между собой и Анной. Кирилл, который так охотно отозвался на Пашу, полез. Анна подвинулась, тихо негодуя на и шустрюю девицу, и на Кирилла. На всех полках произошли перемещения и разделения на пары, настоящий Павлик протянул руку блондинке, и в итоге Анне в партнёры достался папа Павлика, Андрей.

– Попробуем? – озадаченно глянул на неё мужчина, и Анна поняла, что ему тоже неловко. Улыбнулась ободряюще и протянула руку. Приняла осторожные разминания и поглаживания

– очень уж робко он общался с её кистью, будто боялся причинить боль. Потом сама взяла тяжёлую мужскую руку, закрыла глаза, представила, что это ком теста и стала месить-перемешивать, поражаясь, насколько гибкой и податливой оказалась кисть, будто не кости там у мужика – пружинки. Ладить его руку было приятно.

А урок продолжался.

– Нам серьёзный кусок пути через камни пробираться, и если поймёте, как их обтекать, сэкономите очень много сил, – говорил Арсений. – Вот смотрите, камни – это плотности. То, что между камнями – пустоты. Обычно люди преодолевают плотности и тратят силы на борьбу. А можно видеть пустоты и идти по ним, без борьбы. Сейчас покажу, как их увидеть. Только мне нужен помощник.

Он оглянулся в поисках...

– Вот ты, Андрей. Обхвати мне запястье пальцами. Давай, хватай.

Андрей стиснул запястье Арсения, тот подёргал кистью, проверяя – крепко ли. И продолжил:

– Вот, видите, пытаюсь выдернуть кисть, побороть Андрея, я противодействую плотностям. Могу, конечно, на силе вырвать, но лучше не буду, дабы не травмировать свою руку, или руку Андрея. А могу выволакивать руку, обтекая плотности и выходя из захвата по пустотам. А они есть, и если прислушаться к руке, посмотреть телом, они ощущаются!

Рассказывая, Арсений шевелил кистью, и вскоре вынул руку из захвата.

– Теперь вы, в парах!

Анна подставила запястье Андрею, почувствовала, как крепко сошлись его пальцы и, прикрыв глаза, поворачивала рукой, ища что-то вроде слабины в этом захвате. Пальцы держали цепко.

– Ань, ты не борись с ним, – тут же подсказал Арсений. – Ты почувствуй свою руку и его. И почувствуй, где в его руке остались пустоты. И вытекай по ним, как будто твоя рука без костей.

Как это без костей? А куда они денутся? И, тем не менее, Анна закрыла глаза, сосредоточилась на своём запястье. Действительно, с одной стороны захвата есть щель... Она представила, как её рука туда выскальзывает, поворачивала кистью, и рука вскоре освободилась. Невероятно!

– Теперь ты! – протянул свою руку Андрей, и Анна ухватилась за его запястье сразу двумя ладонями – в один обхват не получалось.

– Отлично! – подметил Арсений. – Андрей, при таком захвате вдвое больше пустот, ещё легче освобождаться!

Андрей кивнул и действительно гораздо быстрее, чем Анна выскользнул из её пальцев.

– Ну, давай, Паша, давай! Молодец! – заликовала у окна Янка, и Анна мимолётно поморщилась. И чего она его Пашей называет? А он почему не говорит, что Кирилл?

– У всех получилось? Отлично, – завершил весёлую возню Арсений. – Вот по такому принципу и по камням пойдём – будем их обтекать по пустотам пространства.

Он подождал, пока все успокоятся и продолжил:

– Теперь вот ещё что. Место, куда мы едем, непростое, требует к себе осторожного и уважительного отношения. Поэтому предлагаю заранее договориться о нескольких вещах, которые избавят нас от лишних приключений.

– Степаныч, ты что! Я ж как раз и еду за приключениями! – заблажила Янка.

– Тебе хватит, – пообещал Арсений и продолжил, – Первое: никто никуда не уходит далеко, не сообщив остальным. Второе: если уходит, то минимум с одним товарищем. Третье: каждый относится к каждому бережно и доброжелательно. Принимаются договоры?

Народ закивал.

– Отлично. Теперь о целях. Каждый из вас поехал с определённой целью. Я предлагаю сейчас разбрестись по своим местам и записать в блокнотах, зачем вы едете на Синь-озеро. Да, не забудьте потом очертить ваши записи, – Арсений нарисовал в воздухе кружочек.

«И какие у меня цели?» – думала Анна, забравшись на свою полку.

Вот ведь, Жанночка, подруга дорогая, присоветовала релаксацию. Анна улыбнулась, явственно услышав напористый Жанкин говорок: «Переключись, причём радикально. Купи путёвку, съезди куда-нибудь, где тепло, на песочке поваляйся, роман с кем-нибудь закрути. Быстро своего мужа-идиота из головы выбросишь и опять станешь трезвомыслящей умной бабой, а не размазнёй сопливой. Смотреть на тебя не могу на такую!» Именно в тот момент мысль пойти куда-нибудь с рюкзаком и показалась ей вполне здоровой. В последний раз, он же и первый, она ходила в поход в пятнадцать лет. Тогда это для неё стало событием, и теперь опять захотелось событий. Не тех странных, мутных и лживых, что закрутили её в последние полгода, а чистых, ясных, солнечных, как в детстве. Именно поэтому она набрала в Интернете в поиске «пеший поход» и стала изучать список открывшихся ссылок. Этот недельный поход на северное озеро она выбрала по двум причинам. Во-первых, отчего-то захотелось побывать на Севере. Может оттого, что Кирилл уехал на юг? Во-вторых, завораживало название места: Синь-озеро. Да и в описании говорилось что-то о Гиперборее, колыбели славянской нации, о безвременьи полярного дня, а поход был не просто походом, а тренингом по славянским практикам.

«Так чего же я хочу от этого похода? Убежать от себя? Или от Кирилла? Или... вспомнить детство?» – вернулась Анна к целям и задачам. Неясное томление где-то под ложечкой подсказало – скорее всего, третье. Она подумала и написала на клетчатом листочке: выйти из ситуации и посмотреть на неё со стороны; вернуться в детство; понять, как жить дальше. Очертила строки неровной петлёй и огляделась.

Сергей на соседней полке хмурился над своим листком, почёсывая ручкой переносицу. Кирилл, сидя с ногами на боковой нижней полке, быстро писал в блокноте, пристроив его на коленках. Потом поднял голову, убрал от лица волосы, глянул сквозь Анну и опять склонился над страничкой. «Интересно, какие у них цели?» – мимолётно подумала Анна, отложила блокнот и прислушалась.

В вагоне слышалось пение. Далёкое, но очень отчётливое. Пели хором, сильные женские голоса выводили чистую мелодию без слов. Что-то похожее звучало в старых советских фильмах, когда режиссёру требовалось музыкальное сопровождение видам родных просторов. Картины таких просторов – привольные раздолья, занимавшие экран не меньше минуты – плюс закадровое хоровое пение вызывали у маленькой Ани особое чувство. То ли умиление, то ли гордость, что посчастливилось родиться в этой замечательной, великой, красивой стране... Сейчас такое в фильмах не показывают. В кинотеатрах в основном голливудские красоты, там своя музыка. А по телевизору вместо просторов всё больше паузы рекламные. Да и страна с годами в её сознании съёжилась, поблёкла, подрастеряла бывшее величие.

«Радио, что ли, включили?» – она попыталась угадать, откуда поют, перевернулась на живот, выглянула в окно и замерла в восхищении.

За окнами были вода и солнце. Солнце уже клонилось к закату. Светило не спешило – по северным лимитам сиять ему ещё было долго, почти до полуночи. И потому, совершая медленный закат, солнце щедро и с наслаждением плодило свои отражения в озерках, раскинувшихся за окнами вагона бесчисленной россыпью. Анна с восторгом глядела на голубую воду в золотых солнечных блёстках, на свежую зелень кустов и деревьев, изредка мелькавших вдоль рельсов, на лодку-плоскодонку, живописно приткнувшуюся у прибрежных камешков, слушала далёкий мелодичный хор женских голосов... И тут на неё нахлынуло ощущение, то самое, из детства – ощущение счастья от того, что она видит это великолепие, что живёт рядом с такой красотой и с такими просторами.

– А здорово рельсы звучат, будто поют! – сказал Сергей. Он тоже уже лежал на животе и наслаждался видом из окна.

«Рельсы? Надо же, это рельсы поют!» – почти не удивилась Анна. Она их понимала. Жить в такой красоте и не петь почти не возможно!

– Мужики, кто пойдёт со мной курить? Только курим ваши! – Янкин вопль в соседнем купе заставил Анну поморщиться. «Ну что она, в самом деле, орёт-то всё время! Неужели нормальным голосом нельзя разговаривать!» Девчонка начинала раздражать – любая энергичность в таком количестве поперёк горла встанет.

– Аничка, я иду, – сказал, заикаясь, пьяный голос одного из соседей, и Анна нахмурилась – вдобавок ко всему эти орлы-катамаранщики ещё Янку в её тёзки переделали!

Девчонка увела курить своего пьяненького кавалера, а Анна вдруг поняла, что не слышит больше пения рельсов. И вид за окном сменился – озеро кончилось, мелькали деревца какого-то лесочка. Безбрежное пространство, от которого только что захватывало дух, будто свернулось, захлопнулось. «Надо же, проскочили участок, где рельсы поют», – вздохнула Анна, пытаясь отогнать глупую мысль, что и песня, и простор закончились оттого, что она дала волю раздражению и выпала из ощущения безграничного, всепоглощающего счастья.

Шумные соседи высадились поздно вечером. Анна слышала сквозь сон, как они оживились, подъезжая к нужной станции, и даже приготовилась, что сейчас начнут топтать и быстро-быстро таскать тяжести – парни громко обсуждали стратегию высадки, соображая, как выгрузить своё добро за пять минут остановки. Топота она не дождалась, провалилась в сон. На этот раз ей приснился сын. Почему-то не нынешний девятилетний, а маленький, лет четырёх. Данька тянул к ней ручонки и просил: «Ладушки, мама, ладушки!».

«Как он там, без меня?» – подумала Анна, проснувшись. Кинула быстрый взгляд на полку Кирилла – парень спал, накрывшись с головой. Сергей тоже спал, вытянувшись на спине. Хрящеватый нос на худом лице заострился, как у покойника. «Вот ещё, мысли какие лезут с утра!» – отмахнулась Анна от мрачных ассоциаций, слезла со своей верхотуры, стараясь не наступить на спавшую внизу тётку, и пошла в туалет, как раз по пути и обнаружив, что соседи высадились, а на двух верхних полках спят Янка и Павлик. В отсеке возле туалета на нижних полках спало как-то слишком много народу, по двое: Арсений со смуглянкой, что льнула к нему на перроне, и парень-«испанец» с блондинкой, что при посадке целовалась с Арсением взасос.

«Что-то я уже ничего не понимаю!» – мысленно пожала плечами Анна. Она спокойно принимала происходящее – взрослые люди, знают, что делают. Беспокоило другое. Она уже вроде бы разобралась, кто тут с кем: Арсений с блондинкой, его преданная девочка – с безответной любовью, «испанец» был нежен с той девушкой, что с бесстрастным лицом и роскошными волосами. По крайней мере, вчера они переплелись очень даже интимно, освобождая место Андрею, да и позднее, отправившись за кипятком, Анна видела этих двоих, прижавшихся друг к другу на нижней боковушке. А тут – такие рокировки, смена партнёров, полная перепутаница. Впрочем, бог с ними, сами разберутся.

«Интересно, а сколько сейчас времени, что все спят?». Анна по привычке взглянула на запястье – пусто. Сама ведь часы сняла и дома оставила – раз уж путешествие в безвременье, так пусть всё будет по-настоящему, без поблажек. Пока за временем по мобильнику подсматривает, но там, у озера, и эта лафа закончится – не ловят в тех местах телефоны, да и заряжать негде. «Рано ещё, наверное. Я соскочила, небось, чуть свет!». Она выглянула в окно, соображая, насколько утро раннее. Но северное «долгоиграющее» солнце спряталось в низкой облачности и время подсказывать не собиралось.

Вернувшись, Анна уселась у окна на свободной нижней полке в бывшем купе катамаранщиков. На верхних полках спали «переселенцы»: Янка похрапывала, Павлик тихо сопел,

отвернувшись к стене. Пейзаж за окном за ночь посуровел, вчерашней голубизны не было и в помине. Вместо озёр – слегка белёсые то ли леса, то ли рощицы, вместо неба – сероватые облака. «Может, распогодится? Конец июля, всё-таки!» – понадеялась Анна. Прогноз погоды в этой местности, выловленный накануне в Интернете, много не обещал: днём плюс тринадцать, ночью плюс семь. Но когда прогнозы полностью сбывались? Должна погода наладиться, середина же лета!

– Доброе утро, ты не знаешь, куда Павлик делся? – Андрей, заглянувший в отсек, выглядел растерянным. Сына потерял!

– Да вон он, здесь спит, – кивнула Анна на верхнюю полку в купе, Андрей разглядел длинный силуэт, вздохнул облегчённо и полез поправлять одеяло, свисавшее вниз длинным языком.

– Пап, ты чего? – Павлик повернулся к отцу и сонно таращил непроснувшиеся глаза.

– Ничего-ничего, спи. Я тебя потерял, – Андрей похлопал сына по плечу, растерянно оглянувшись на Анну, явно смутился и ушёл. Спросить его про время она не успела.

– Эх, куда б податься, да кому б отжаться! – со второй полки высунулась рука и закачала над столиком стиснутым кулаком. Янка проснулась и объявила об этом всему вагону.

– Да вот, пожалуй, и некому уже. Мужички-то вышли, – сказала Анна.

– Кто здесь? – теперь с полки свесилась растрёпанная черноволосая голова. – А, ты. Привет.

– С добрым утром. Яна, ты не знаешь, сколько времени?

– Ща глянем. Полдевятого. Во, блин, рано-то как! Ещё три часа ехать. И ведь не усну теперь, раз проснулась!

– Слушай, а как мужички тихо вышли, я даже не слышала, – сказала Анна. – И успели ведь за пять минут всю кучу своего барахла вынести.

– Всё нормально, у них был научный подход к организации труда. Ребята конкретные, всё заранее продумали. Сначала в тамбуре свои мешки сложили, потом по-быстрому их на улицу покидали.

– Интересно, далеко ли уплывут с рюкзаком спирта, – улыбнулась Анна, вспомнив, как мужики сразу же после посадки «скушали» литровую бутылку водки, и как вчера один из соседей, самый молодой и так и не протрезвевший, пытался добыть спирт из рюкзака, а второй, обстоятельный бородач, видимо, старший в группе, отгонял его и требовал не трогать НЗ.

– Ой, они меня так насмешили! – Янка приподнялась на полке и принялась накручивать на палец тонкую прядку с виска. – Пошли вечером курить, а в купе Степаныч и Васька («Васька – это «испанец», что ли»? – подумала Анна) с девчонками опять спины друг другу правят. Мужики в непонятках – весь день за этими делами наблюдают, что происходит – фиг его разберёт. Всё приставали ко мне, зачем и куда мы едем. В поход, говорю, за новыми впечатлениями. А этот, бородатый Лёха, типа, понял: ага, сексотерапия у вас такая! А я говорю: если бы!!!

Янка, по своему обыкновению, говорила зычно, совершенно не приглушая голос, будто не в спящем плацкартном ехала, а в переполненном вагоне метро.

– Привет, – вошёл в купе заспанный Арсений. – Вы чего расшумелись?

– Да я рассказываю, как мужики офигели от ваших вчерашних массажей. Как ни пойдём курить – у вас там полный ход, всё спины друг другу ладите. Этот, Антон, самый молодой у них, спрашивает: «У вас что, секта?». И вижу, у мужика прям сознание схлопывается, картину мира закоротило! Нет, говорю, не секта, клуб по интересам. «А этот мужик кто, который всех девок лапает?» А это, говорю, наш великий гуру! Погодите чуток, скоро сядет в позу лотоса и начнёт впадать в нирвану!

– И как тебе в роли гуру, нравится? – поддержала шутку Анна и засмеялась, глядя, как привычно невозмутимое лицо Арсения расплывается улыбкой чеширского кота.

– Между прочим, гуру себя считают жутко закомплексованные люди! – сказал он. Янка тут же подхватила:

– Да признайся уже, что, нравится, ну приятно ведь, по лицу вижу!

– Ой, что-то вы меня совсем смутили, – махнул на них рукой Арсений и сел на свободную полку.

– Что, ноги не держат? Комплексы навалились? – захохотала в голос Янка, и Анна подхватила: сдержаться, когда хохотала Янка, было просто невозможно. Ох, теперь-то точно проснулись все пассажиры!

– Знаешь, что мне Лёха сказал, бородатый, он за старшего у них? – продолжала Янка. – Бросай, говорит, своих уродов, сектантов недоделанных, поехали с нами, с настоящими мужиками. Сексотерапию тебе обеспечим по высшему классу. А я говорю – да что вы, мальчишки, если я разойдусь, мне ж вас четверых мало будет! Лучше и не начинать!

– Да уж, если из всех интересов – напиться на природе да потрахаться, поди, объясни им, зачем мы туда едем, – покивала Анна.

И тут же получила от Янки щелчок по носу.

– Слушай, я их вчера полдня лечила, раздвигала границы восприятия, теперь с тобой, что ли, всё заново начинать? Нормальные мужики, умные, все врачи, один хирург, один невропатолог, два стоматолога. Просто у них своя вселенная, у нас своя. А в этом вагоне мы слегка пересеклись.

– Врачи, говоришь, – прервал Янкину лекцию Арсений. – Понятно теперь, откуда у них столько спирта. Слушай, так может быть, тебе надо было с ними пойти? Объяснила бы им про картину мира в подробностях.

– Точно! И на обратном пути они бы у меня ехали смирные, как суслики! – опять заржала в полный голос Янка.

А Анна подумала, что не известно, какими сусликами будут возвращаться они. И сердце впервые за всё время, как она решилась идти в поход, вдруг сжалось от смутной тревоги.

Поезд встал на недолгую стоянку в местечке с забавным названием «Медвежья гора». Народ ходил по перрону в осенних куртках. У их столика стихийно собралась небольшая компания: Арсений, Вася-«испанец», Кирилл, девушка с бесстрастным лицом, Анна.

– Слушайте, что-то все как-то тепло одеты! – сказал Сергей. Он пришёл к столику с кружкой кипятка и со вчерашним пакетом с остатками провизии. – Сколько же там градусов, интересно?

– Градусов двенадцать, – пожал плечами Арсений. – Там что, у проводников уже кипятков есть?

– Есть. Давайте завтракать. Нужно доесть всё, чтобы с собой не тащить.

Анна взяла у него пакет и стала выгружать на стол то, что вчера сама второпях и складывала, освобождая место для массажа. Вытащила пустую упаковку из-под колбасной нарезки – вроде там вчера последний кусочек оставался. Выпал, что ли? Заглянула в пакет – так и есть, болтается на донышке, среди обломков хлеба, двух яблочных огрызков и фантиков из-под конфет.

– Слушай, Серёж, тут последний кусочек колбасы остался, выпал из упаковки. Выкинем? А то вид у него уже... того.

– Чего «того»? Нормальная колбаса, копчёная, ничего ей не сделается, давай сюда, – потребовал Сергей.

Анна выудила из-под фантиков и огрызков бордовое испещрённое жиринками колёсико сервелата, обдула его от налипших крошек и шмякнула поверх ломтика огурца на сером хлебе:

– На!

– Хорошая колбаса, – откусил Сергей. – Выкинуть! Тут неделю без мяса жить предстоит, а ты – выкинуть.

– Ой, смотри, Серёжа, прихватит тебя где-нибудь на перевале с эдакой еды! – сама Анна ела сыр.

– Ну, прихватит, сбегаю под камешек, делов-то! – Сергей невозмутимо доел бутерброд и отхлебнул чаю.

– Имей в виду, ходить вдвоём придётся и разрешение спрашивать, – продолжала веселиться Анна, пользуясь тем, что Янка опять заснула на своей полке и перестала солировать. – Ты не слышал, а мы вчера договорились, что никто никуда не уходит в одиночестве и предварительно не сообщив коллективу, куда именно пошёл и с какой целью!

– Так что сначала всем доложишь, а потом отчитаешься, – серьёзно сказал «испанец» Вася.

– Да ладно пугать, – добродушно отмахнулся Сергей. – Это вам завидно, что последний кусок колбасы мне достался!

«А ведь классные ребята!» – думала Анна, заедая чай остатками сыра и огурцом. Когда же она вот так веселилась в последний раз в компании, от души прикальываясь и зная, что никто не обидится, а начнёт шутить в ответ? Давно. Почти полгода назад. Когда ещё работала в журнале.

Глава 3

То, что у Кирилла есть шанс стать сенатором от области, откуда они оба уехали десять лет назад, он понял уже в декабре. А в январе муж попросил Анну уйти с работы. Уже потом, задним числом, прокручивая все предшествовавшие тому разговору события, Анна поняла, что он очень тонко готовил её к решению в свою пользу: новогодняя ночь у Красного моря, пальмы, цветы, тёплые волны вместо московской голой зябкости.

Египетский отель был новым, добротным и дорогим. Архитектор с очень хорошим вкусом вписал постройки в крутой и обрывистый берег. Здание основного корпуса, где размещался ресепшн, бутики, конференц-зал и ресторанчики, было серовато-перламутровым, в тон камням на берегу и мелкому галечнику на пляже. Отель тремя уровнями спускался к террасе с беседками, бассейнами и смотровыми площадками, соединяясь с ними эскалаторами. Ещё ниже, куда нужно было сходить по лесенкам, располагались входы в номера-бунгало.

Номера были вырыты в обрывистом берегу, их огромные раздвижные окна-двери выходили сразу на пляж, на море. При всей шикарности интерьера, Анне не очень понравился его холодный чёрно-белый дизайн. Ей хотелось красок, местного колорита, чего-нибудь в стиле арабских сказок, тысячи и одной ночи, а не безликих прямоугольных хромированных светильников, строгих белых покрывал, черных углов изголовья кровати и прикроватных тумбочек и абстрактных чёрно-белых ломаных линий на стенном панно. Но в первое же утро, проснувшись от солнечных лучей, пробившихся сквозь чёрно-белую штору и выглянув в окно, она простила незнакомому дизайнеру его цветовую сдержанность. За окном было чудесно: солнце выкарабкивалось из морской пучины, трогая розовым и небо, и воду, и мелкие серые камешки пляжа, а чёрно-белые тона номера оттеняли и подчёркивали эту красоту, создавая ей неназойливую раму.

Она тогда принялась натягивать купальник, собираясь прямо так выбежать из номера и нырнуть в это утреннее розовое море. Но проснувшийся от её возни Кирилл сказал, что так – нельзя. Что сразу за пляжем – коралловый риф, и влезать в воду нужно со специального понтона: «Помнишь, мы вчера его видели вечером, синий такой мостик?»

Для того, чтобы нырнуть с пирса, пришлось одеться – декабрьское утро в Шарм-Эль-Шейхе оказалось стылым, что-то градусов пятнадцать-восемнадцать. И всё равно, топая до пирса по мелкому пляжному галечнику, а затем шагая по синему пластику понтона – он был собран из кубиков, напоминающих большие, литров на тридцать, пластмассовые канистры и зыбко качался на воде в такт её шагам – Анна сохранила ощущение счастливого восторга и предвкушения от встречи с розовым морем. Дошла до широкой квадратной площадки, скинула толстый махровый халат, прыгнула в воду и будто растворилась в волнах, тёплых, теплее, чем воздух. Потом вернулась в номер под бочок к сонному мужу, растормошила и, целуя, поделилась с ним счастьем этого утра, радостью от моря, солнца, от красоты дымчато-серого перламутра прибрежных камней и построек.

Хороший был отель, стильный, дорогой, с изысканным шведским столом, свежавыжатыми соками и потрясающим новогодним шоу. И когда они прожили там семь из девяти запланированных дней, когда Анна совсем забыла о своих редакционных хлопотах, когда размякла от ежеутренних купаний в розовом море, от ежедневных медитаций на потрясающе красивых рыбках – она могла часами рассматривать их, свесившись с пирса и приблизив лицо к самой воде, – когда покрылась ровным загаром и ошалела от бурного, как в медовый месяц, секса с собственным мужем, Кирилл сказал:

- Анютка, ты должна мне помочь стать политиком.
- Ты хочешь, чтобы мы сделали с тобой большое интервью в «Зоне влияния»?

Анна лежала на плече у мужа и расслабленно рисовала пальцем зигзаги у него на животе, спускаясь всё ниже и ниже.

– Нет, – Кирилл перехватил её руку, сжал в кулаке и прижал к груди. – Я хочу, чтобы ты ушла из журнала и возглавила мой предвыборный штаб.

– Что? – Анна высвободила руку, села на кровати и в изумлении уставилась на мужа. – Какой штаб?

– Ань, я хочу стать представителем Совета Федерации от нашей области. И если всё грамотно пропиарить, я им действительно стану. А лучшей пиарщицы, чем ты, мне не найти.

– Подожди Кирилл, – потрясла головой Анна – какой Совет Федерации? Стройкову ещё полтора года на троне сидеть!

– Нет. У него рак обнаружили. Не смертельный, – Кирилл сделал успокаивающий жест сочувственно охнувшей жене, – вполне операбельный, но политикой ему теперь заниматься нельзя. Помнишь, я в декабре к нему ездил? Он сказал, что планирует объявить перевыборы не позднее чем в июне-июле. Я хочу в них участвовать. По-моему, у меня есть шанс.

– Да, наверное, есть, – поглядела на мужа Анна, быстро перебирая в голове его активы.

Местный, в смысле, уроженец этой области, молодой, всего сорок два года, популярный – засветился в нескольких сюжетах на центральных каналах, где рассказывал о делах в регионе, и в которых губернатор демонстрировал своё к нему расположение. Да и фильм, опять же, снял документальный про монастырь с чудотворной иконой, который крутили на канале «Культура». Правда, время для показа выбрали не самое лучшее – три часа дня, все на работе. Но вскоре этот фильм повторило местное телевидение, которое потом с восторгом взяло интервью у его создателя, то есть у Кирилла. И как-то так из этого интервью получилось, что он, не смотря на то, что уже десять лет как москвич, связь с родной землёй не потерял, о Боге помнит и за свою малую родину радуется. Фильм прошёл как раз в декабре, мама звонила, рассказывала, что теперь кое-кто из соседей с ней особенно уважительное здоровается. А Эмма Казимировна из пятнадцатой квартиры, напротив, губы поджимает и отворачивается. Анна тогда ещё смеялась и говорила, что соседка не может простить, что мама её, примадонну местного драмтеатра и долгое время основную знаменитость их дома, по части известности перещеголяла.

Шутки шутками, но если соседи даже на маму перенесли свою признательность за Кирюхин фильм, то у него сейчас в городе авторитет о-го-го какой. И прав он, – грех таким раскладом не воспользоваться!

– Кирюш, а тебе позволят стать сенатором? – осторожно спросила Анна.

– А кто мне может не позволить? – поднял бровь муж.

– Ну, мало ли... Сам ведь знаешь, просто так такие кресла не достаются. Деньги нужны, связи, поддержка.

– Ань, не гони волну, а? Как Стройков попал в Совет Федерации, помнишь? Сделал и варяга московского, и Трунина, депутата тамошнего. На народной любви вылез и на том, что первых два барбоса его всерьёз не принимали, друг за другом следили и друг друга дерьмом мазали. Ну и домазались, что люди пошли и выбрали председателя совхоза.

– Сейчас нет совхозов, – зачем-то поправила Анна.

– Ой, да брось ты придираешься к словам! Не совхоза, так колхоза, или как там его артель битвы за урожай называлась. Ты ведь делала интервью с ним в своём журнале, знаешь, что он всю сознательную жизнь совхозами-колхозами руководил. А тут на сенаторство замахнулся. Наверное, просто попробовать хотел, а тут вдруг – получилось! Знаешь, мне почему-то думается, что он оттого и раком заболел, что не по зубам кусок урвал, подавился. Одно дело коровам хвосты считать и дояркам удои повышать, другое – область держать и с этими волками-федералами по-волчьи выть. Не за своё дело взялся старик.

– А ты? Ты за своё берёшься?

– Я? Да!

Муж взглянул ей в лицо, и Анна в глубине зрачков увидела отблеск стали:

– Зря я, что ли, столько лет парламентским журналистом ищачу, вась-васи с нашими сенаторами и депутатами развожу, статейки им имиджевые стряпаю, книжки писать помогаю и разные приятности организовываю? Я всю их кухню гнилую знаю, все ходы-выходы, так что ни инфаркта, ни онкологии не будет. Я вижу себя, понимаешь? Вижу в этом кресле.

– А деньги, Кирюш? Откуда деньги на предвыборную компанию?

– Будут деньги. Дадут.

– Кто?

– Кое-кто, кому интересно будет бизнес в области замутить. Сделают свои первые, так сказать, инвестиции. Ну что, мать, я тебя убедил?

– В том, что ты можешь стать сенатором? Да, вполне.

– А в том, что ты должна будешь возглавить мой предвыборный штаб?

– Ну, давай, возглавлю... Только журнал мне зачем бросать? Давай параллельно! Через полгода выборы, штаб закроется, куда я вернусь? Думаешь, Витька будет для меня должность полгода сохранять?

– Ань, ты что! – захохотал Кирилл. – Когда я хорошо сяду в Москве, я тебе новый журнал куплю! Твой собственный! Будешь на себя работать, а не на этого павлина, у которого из всех талантов – связи в «Газпроме» и допуск к денежному соску! Давай, возвращаемся в Москву и сразу начнём расписывать, что сделать надо.

– Главное что надо, это сохранять к тебе интерес в городе, – задумчиво сказала Анна и спохватилась. – Слушай, только сразу я не смогу, мне февральский номер выпускать.

– Ань, какой номер? Мы же договорились – ты уходишь из журнала.

– Но я ведь не могу так сразу... И по закону мне две недели нужно отрабатывать.

– Не нужно, Витька сказал, что подпишет тебе заявление сразу же, – Кирилл закинул руки за голову и потянулся.

– Что сказал Витька? – Она отстранилась, заглядывая ему в лицо. – Кир, ты что, сообщил ему уже, что я ухожу? Ты уже всё решил за меня?

– Анютка, ну а что такого? – он смотрел на неё с безмятежной уверенностью. – Ты что, отказалась бы помочь мне сделать карьеру? Разве ты отказалась бы стать женой сенатора, а? Ань, это ведь теперь дело нашей жизни, наша главная политическая интрига. И нам все наши силы, все наши умения нужно только на этом сконцентрировать, а не на чужих играх в политику. Разве не так?

– Так, наверное, – подумав, кивнула Анна.

Всё было так и, как всегда, разумно. Однако расставаться с журналом было безумно жаль. Она этот журнал, можно сказать, родила и выкормила, создав за три года издание, о котором говорили, с оценкам которого считались, и попасть куда даже в виде небольшой информации почитали за честь. И Витька не такой уж и павлин, а вполне нормальный издатель. В финансово-хозяйственных делах сечёт – дай Бог каждому. И сосок денежный им уже почти год как не нужен – реклама в журнал идёт таким косяком, что окупает весь тираж с запасом. И почему-то нет в ней ни волнения, ни азарта от мысли, что она может стать сенаторшей. А есть досада, что муж распорядился её жизнью по-своему, одним махом распределив их роли. Впрочем, он ведь её муж.

– Анютка, ты ведь со мной, правда? – Кирилл будто что-то почувствовал, сгрёб жену и заглянул в серьёзные глаза. – Ты ведь понимаешь, что никого другого я на это место взять не могу? Да и нет никого другого, ты – лучшая. И вместе мы – команда. Разве не так?

– Так, – согласилась, наконец, Анна, и стала отвечать на его поцелуи и двигаться с ним в такт и плавиться в его руках, окончательно согласившись, что в их жизни наступает новая полоса.

А утром она не увидела солнца. Небо вдруг закрылось низкими облаками, задул противный холодный ветер. Оставшиеся два дня до отъезда они проходили в свитерах, и искупаться в розовом море у неё больше не было никакой возможности.

«Эти тучки пониже будут тех, египетских. Да и ветерок явно посвежее». Анна поёжилась и застегнула молнию повыше. Да уж, северное лето: градусов пятнадцать всего, и ветер какой-то холодный. Главное, когда на станции в Городке выходили, вроде солнышко показывалось. И потом весь час, пока ехали до Посёлка, хмари такой не было. А тут, у перевала, у начала их пути – низкое серое небо и совсем не летний ветер.

– Давай, командир, строй их в колонну по одному, ворота открывать буду! – показал в улыбке остатки зубов старик-сторож. Путь к Синь-озеру начинался у заброшенного рудника.

– Ну, все готовы? – Арсений окинул взглядом их группу из пятнадцати человек. – Тогда пошли!

«Надо же, а ведь и не очень тяжело идти!» – думала Анна четверть часа спустя, топая в первых рядах разреженной кучки, в которую превратилась их группа. Пока подъём был не очень заметен, хотя впереди маячила гора с усыпанным валунами склоном. По бокам тоже вздымались горы – черные, строгие, холодные. Анна шла, радуясь, каким удобным оказался рюкзак (вес почти не чувствуется!) и наслаждаясь торжественной тишиной окружающего пространства. Оказывается, она утомилась от шума, который Янка регулярно устраивала эти полтора суток. Даже час переезда из Городка девчонка умудрилась превратить в дискотеку. Водитель поймал какую-то попсовую станцию, и она в голос подпевала бредовым песенкам, подпрыгиваясь и подпрыгивая на заднем сидении, куда сгрудилась половина их народа. Анна заметила, что Кирилл тоже в этой гряде, отметила, что заметила и шикнула на себя мысленно – хватит уже на парня реагировать! Что ж это такое, как будто в свои восемнадцать вернулась, когда Анюта, мышка-дурнушка, тайком влюблялась в мальчиков, ловила на себе их равнодушно-транзитные взгляды и сладко страдала от неразделённых чувств. А Янка, похоже, никогда ни от чего не страдала, ни от чувств, ни от комплексов. Курносая щекастая толстушка, она живым мячиком подпрыгивала на сидении и самозабвенно горланила, подпевая очередной попсовой пошлятине про то, что перевелись и Казановы и ловеласы, и что вокруг одни папуасы. Потом, сообразив, что «папуасы», скорее всего, рифма, одобренная цензурой, Янка подобрала более подходящую по смыслу нецензурную рифму и горланила уже её.

А теперь толи строгое величие места, толи понимание, что нужно беречь силы уgomонили девушку. Да и шла она где-то позади Анны, отстала.

Через первый ручей пришлось перебираться по узким брускам, и Анна запаниковала – упаду! Вмешался Арсений, скомандовал: «В ноги уйди!», и она поняв, о чём он, сосредоточилась на ощущении ступней. Словно вниз стекла-осела, забыла про страх и прошла по узкой поверхности. Вслед за остальными поднялась по тропинке в гору. И остановилась возле россыпи крупных валунов: дальше нужно было карабкаться по ним.

Арсений придержал группу, дожидаясь отставших:

– Народ, я хочу, чтобы вы вспомнили про плотности и пустоты. Почувствуйте камни, как плотности, обтекайте их. Если вы будете идти вот так, – он забрался на валун, перешёл на второй, постоял, потом таким же образом перебрался на следующий, – то вы очень быстро устанете. По камням нужно течь, двигаться в потоке. Вот так! – И он стал быстро шагать с камня на камень, не теряя движения, перенося равновесие с ноги на ногу. – Понятно? Вась, ты не против побыть замыкающим?

«Испанец», который повязал на голову чёрную бандану и тем самым добавил штрихов к образу, кивнул.

– Тогда пошли!

«Течь надо! И как это сделать, интересно мне знать?» – пыхтела Анна, стоя на одном валуне и примеряясь к другому. Равновесие то и дело терялось, рюкзак перестал быть продолжением спины и жил собственной жизнью. А ещё вдруг поднялся страх подвернуть ногу и стать обузой для группы. Вот позорище будет!

– Тебе помочь? – спросил Вася-«испанец». Анна подняла взгляд от камней и поняла, что они остались вдвоём, все остальные уже вскарабкались и скрылись за верхушкой каменной гряды. Она обрадовалась: «Ага, там они, камни эти, и кончаются!» – помотала головой, сама, мол, и решительно полезла вверх. Чтобы её, да какие-то там камни одолели! Да фиг вам! Пусть из последних сил, но докарабкается она до нормальной земли, совсем чуть-чуть осталось!

Почти задыхаясь, женщина влезла на последний валун... и поняла, что сейчас рухнет на землю и останется тут на всю неделю. Будут возвращаться – подберут.

За каменной грядой скрывалась неширокая гладкая полоска, а выше простирался бескрайний пологий склон, составленный из валунов-валунов-валунов. Группа, цветные человечки с горбиками рюкзачков, пробиралась между камнями уже на середине склона. А она – всё, сдохла. Свистела бронхами в попытке добавить кислорода в лёгкие, обмирала от мысли, сколько же ещё предстоит карабкаться, и ругала себя последними словами. «Туристка, блин, путешественница! С какого бодуна решила, что тебе тут самое место? Вернулась бы к маме и к Даньке в деревню, гуляла бы по лесу, грибочки-ягодки собирала».

Увидев, что к ним, легко прыгая по валунам, возвращается Кирилл, балансируя зажатой в руке длинной палкой, Анна расстроилась ещё сильнее. Вон, скачет легко, как горный козёл, а она стоит тут, кляча-клячей, позорится!

– Подыши через ноги, – негромко сказал «испанец» Вася.

– Что? – прохрипела Анна.

– Представь, что у тебя из ступней корни выросли, потяни воздух этими корнями!

Анна закрыла глаза и «укоренилась», чувствуя, как по стопам побежали мурашки. Свист в груди прекратился, ноги стали тяжёлыми, дыхание выровнялось.

– Ну, ты как? – Кирилл стоял уже на соседнем валуне и смотрел на неё и снисходительно, и с беспокойством.

– Уже нормально, восстановилась, – резко выдохнула Анна. Боль в груди прошла, дыхание вернулось, приступ паники закончился.

– Иди за мной след в след, в моём ритме, – сказал Кирилл и опять зашагал с камня на камень. Анна послушно пошла за ним, подстроилась к его шагам, перестала бояться, что какой-нибудь валун пошатнётся или окажется скользким – раз Кирилл не скользит и не шатается, значит, всё в порядке!

И тут вдруг валуны перестали сопротивляться её движениям и замелькали, как шпалы.

Они в детстве с девчонками так играли – бегали на железнодорожные пути и скакали по шпалам, замороженные ритмом этих прыжков. Иногда они попадались на глаза дежурным, те ругались и прогоняли детей: «Что за игры на объекте повышенной опасности? Вы что, под поезд попасть хотите?», но никакие страшилки не могли перебить эту радость: скакать по шпалам, попадая в ритм.

Анна шагнула на очередной камень, тот вдруг пошатнулся, и она испуганно замерла на нём, вмиг выпала из ритма. Куда идти теперь?

– Держись – Кирилл протянул ей палку. – Я тебя вытяну.

– Не надо, я сама, – помотала головой Анна. Тоже мне, репку нашёл! Опять сосредоточилась на ступнях, нашла камень и пошла. Как только она перестала бояться, ритм сразу вернулся, и Анна даже подсадовала, когда оказалось, что уже – вершина. Дошла.

Между нескольких валунов в полтора её роста высотой развалился заморенный переходом народ. Семейство с малолетней дочкой («Надо же, эта кроха и то ходит лучше меня!») потрошило мамин рюкзак. Привал.

– Слушай, ты со своей палкой по камням бежал, будто по ровной местности. Как оленивод по тундре! – сказала она Кириллу, скидывая рюкзак и приваливаясь к ближайшему валуну.

– Опыт у меня большой, – он улыбнулся своей неопределённой ускользающей улыбкой. Потом сел чуть напротив и наискосок и поглядывал на неё из-под полей надвинутой на глаза панамы.

Анна вытянула ноги в ботинках и прислушалась к ощущениям. Уже гудят.

– Ну, и как ножки? – спросил Кирилл.

– Голеностоп слегка потянула!

– Надо бинтом эластичным перетянуть.

– А так ничего, ни мозолей, ни натоптышей, – пошевелила ногами Анна.

– Вечером перед сном надо будет поправить ножки, – то ли посоветовал, то ли пообещал Кирилл, и Анна, не зная, как на это реагировать, поспешно усталилась на собственные ботинки. Кто бы мог подумать, что её давнишние, подростковые ещё ботиночки будут так замечательно себя вести! А вообще, конечно, зря она себе рисовала параллели с тем давним походом, когда в пятнадцать лет пошла в горы. Здесь всё по-другому.

Мама тогда отправила её погостить к тётке в Среднюю Азию, а на город свалилась жуткая, небывалая даже для тех мест жара, днём до сорока пяти градусов в тени, ночью – до тридцати. И тётка купила девчонкам, Анечке и своей дочке Тонечке, путёвки на местную турбазу. Там, в предгорьях Тянь-Шаня, было попрохладнее, ночью даже шерстяные кофточки приходилось надевать. Предполагалось, что девчонки просто две недели пересидят жару – на турбазе можно было пожить как в доме отдыха, спать в коттеджах, есть в столовой, бегать на танцы и в кино. Но сестра, шестнадцатилетняя Тонька, влюбилась в мальчика. А мальчик собрался идти в девятидневный поход. И Тонька собралась вместе с ним. И Анечка тогда собралась тоже.

О том, что сглупила, Анечка подумала уже через полчаса после того, как они ушли с турбазы и прошли по склону первую пару километров – рюкзак, набитый крупой и консервами, отягощённый толстым спальником весил целую тонну. Брезентовые ремни впивались в плечи, их приходилось придерживать руками. Дыхание сбивалось, пот заливал глаза. Однако ещё через полчаса кошмар закончился, они встали лагерем на ночь, развели костёр, расстелили брезентовые палатки – инструктор решил не возиться с установкой, всё равно завтра рано утром вставать. И Анечка, сначала пробуя пахнущую дымком гречку с тушёной, потом слушая песни под гитару, затем разглядывая крупные звёзды в ночном небе, решила, что пошла она не зря. Вон как посматривает на неё тот парень, помощник инструктора. Сколько ему, лет семнадцать? Кажется, она ему понравилась. Кажется, она в него влюбилась.

На следующий день кошмар продолжился – подъём, жара, жажда, боль от брезентовых лямок в натёртых плечах. Шли целый день. Инструктор каждый час устраивал передышки, когда они стояли на тропе, согнувшись и не сбрасывая со спин тяжелых рюкзаков. Всё время хотелось пить, но ручьи в этих горах были редкостью, и они экономно глотали из фляжек тёплую воду. Где-то на полдороги вышли к горной речушке, сделали привал, и все ринулись пить с пологих берегов, даже не скинув рюкзаков. И тот мальчик, что нравился сестре Тоньке, чуть не захлебнулся. Лёг пузом на землю, начал хлебать ледяную воду из речки, а рюкзак, килограммов двадцать, возьми и сползи ему на затылок. Попробуй, подними! Мальчик начал пускать носом пузыри, хорошо помощник инструктора (как же его звали?) заметил, вытащил парня из воды.

Анна запомнила тот привал ещё и по ощущению потрясающей лёгкости – тело, придавленное тяжестью рюкзака и вдруг разом освобождённое от этой тяжести, стало лёгким до чрезвычайности, и она с каждым шагом будто взлетала над поверхностью. Не высоко, сантиметров на пять, но – взлетала. А потом, когда напорхалась и напилась из ручья, она увидела горы. Всю дорогу не видела – шла, страдала, терпела жажду и ловила воздух. А тут – увидела, и они были великолепны.

Следующие четыре часа они шли под гору, было полегче. Затем разбили лагерь, на этот раз поставив брезентовые палатки-домики. И помощник инструктора позвал её с собой, поискать дрова. И подавал ей руку, когда они перебирались через ручей, и у костра сидел рядом весь вечер. Анечка потом долго не спала, томилась, представляя под сопение соседок по палатке, как далеко зайдут их отношения с помощником инструктора. (Как же его звали-то? Дима, что ли? Кажется, Дима. Или Толик?) Может быть, завтра он её даже поцелует...

Назавтра инструктор сказал, что почти все дни их перехода будут такими, как вчерашний. И что у них есть последняя возможность подумать и оценить свои силы. И если кто чувствует, что не дойдёт, есть возможность вернуться. «Вернуться? Нет! Я же с Димой! (Или с Толиком?)» – отмахнулась от инструктора Анечка. А Тонька решила вернуться. И мальчик её тоже. И обратно на турбазу их повёл помощник инструктора, Дима или Толик. Анечке почему-то показалось, что он по-быстрому отведёт этих хлюпиков, и – обратно, к ней. И у них всё будет так, как она намечтала себе ночью в палатке.

Весь этот и весь следующий день она прошагала в ожидании, что парень вот-вот вернётся. Не вернулся, разумеется, кто же будет бегать туда-обратно по горам за сорок километров? И весь поход прошёл у Анечки на фоне этой грусти, что опять не сбылось. Опять она влюбилась, а в неё – нет. Когда вернулась на турбазу, Анечку встречала довольная сестра. Она со своим мальчиком сходила в несложный поход, на три дня. И у них всё складывается замечательно, они даже целовались. А помощник инструктора тоже с ними ходил, он влюбился вон в ту девочку, её Лолита зовут.

Анечка тогда кивала, разглядывая худошавую модно стриженую девушку с экзотическим именем, и прощалась с надеждой, что хотя бы здесь, на турбазе, за оставшиеся три дня продолжится её не сложившаяся романтическая история.

Так её первая любовь в тот раз и не случилась. Зато похудела она в том походе очень сильно, разом покинув ряды пышек. И ботиночки, которые купила для похода в турбазовском магазинчике, послужили исправно. Они так и провалялись у мамы на антресолях, потом она их увезла в Москву – пригодятся в лес ходить. И теперь, вот, пригодились, не подвели.

– Народ, кто знает, как правильно ногу заматывать? – заголосила Янка, размахивая лентой эластичного бинта, и Анна поморщилась. Ну откуда у этой девицы столько сил? Нормальные люди, вон, чуть ли не пластом лежат, привалились к камням, некоторые – рюкзаков не снимая. А эта опять бегают и орёт.

К Янке подошёл Арсений, она затихла. Анна откинулась на валун и посмотрела в небо. Облака расплзались серыми ключьями, кое-где в прорехах показалась синь.

– Ой, кажется, погода налаживается. Вот бы солнышко вышло! – озвучила её мысли томная блондинка. – Сенечка, а давай споем солнцу, чтобы вышло!

– Нет, петь мы ничего не будем, – отвлёкся Арсений от Янкиной лодыжки, которую обматывал эластичным бинтом. – И вообще не советую возле озера на погоду шаманить. Места такие, что неизвестно, как в ответ закрутит.

– А какие такие места? – заинтересовалась Анна. Все эти намёки, что они идут в непростое место её уже начали интриговать.

– Место силы, – пожал плечами Арсений. – Гиперборея там, есть такая версия, земля древних славян.

– Ох, и поколбасимся, братья-славяне! – радостно завопила Янка.

– Так не туго? – перебил её восторги Арсений.

«Место силы, – это хорошо, – думала Анна, опять глядя в небо и лениво наблюдая за парившим на высоте чёрным птичьим силуэтом. – Силы мне сейчас нужны. Чтобы с жизнью своей разобраться, чтобы выкинуть эти ужасные полгода из головы и решить, наконец, что мне делать дальше. Так что давай, Гиперборея-матушка, помогай. На тебя вся надежда».

– Кра! – крикнула птица, перестала кружить над их маленьким табором и полетела в сторону озера. Анна поёжилась от внезапно пробежавших по спине мурашек и тихонько засмеялась. Ну вот, ещё не дошли, а ей уже мерещится. И с чего в голову-то взбрело, что птица ей в ответ прокричала?

Глава 4

Кирилл с Сергеем ставили палатку, стыкуя дюралевые трубки и жёлто-зелёные полотнища стенок. Анна наблюдала за процессом, убеждая себя, что ничего особенного не происходит. Ну, предстоит ей ночевать в одной палатке с двумя чужими мужиками, ну и что такого? В конце-концов, каждый спит по отдельности в своём спальнике и никто из них, кажется, не храпит. И всё-таки ситуация несколько выбивала её из равновесия. Про то, что может так сложиться, она не подумала. Почему-то представлялось, что мальчики поселятся с мальчиками, девочки – с девочками. А к тому, что народ ловко и вперемешку распределится по другим палаткам, и ей в соседи достанутся только мужчины (и один из них – Кирилл, чей взгляд она нет-нет, да и ловит на своём лице, и тут же вспоминает свои фантазии об измене мужу, и от этого ей становится неловко, будто парень считает эти её фантазии) Анна готова не была.

– Слушай, а сколько в вашей палатке человек?

На этот раз Янка не кричала. Спрашивала вполне нормальным человеческим голосом и смотрела так, будто боялась, что Анна её прогонит.

– Трое. Я и ребята.

– А можно я с вами поселюсь? А то в других палатках уже всё занято.

– Селись, конечно, – разрешила Анна, отгоняя возникшее вдруг желание сказать, что и у них места нет. В конце-концов, палатка из тех, что Арсений взял в расчёте, чтобы всем места хватило, так что у Янки ровно столько же прав жить в ней, что и у Анны. Но что же такое с девчонкой? Откуда робость? Все палатки, что ли обошла, никуда не пустили?

– Да и мне лучше, что не одна я буду с мужиками ночевать.

– С мужиками будет всё отлично, это я тебе гарантирую! – завопила Янка и подтащила свой рюкзак поближе к их месту. Анна вздохнула, уже сожалея о своей мягкотелости, и пошла посмотреть на озеро.

К озеру пришлось спускаться вниз по крутому склону. Лагерь скрылся за ёлками, а озеро заплескалось у обрывистого берега и скользких камней, ведущих к воде. Анна пошла по тропке параллельно берегу и вскоре вышла к песчаному пляжику. Спрыгнула на него с обрывчика, повернулась к озеру и залюбовалась перламутрово-серой водой.

Озеро длинным языком тянулось вдаль. Правый и левый берега были видны хорошо – по низу густая зелень тёмного леса, по верху изгибы высоких тёмных холмов – а вот противоположного края озера отсюда было не видно. И оттого Анне показалось, что перед ней не озеро, а бухта. И что стоит проплыть мимо этих берегов, и откроется бескрайняя ширь какого-нибудь моря. Судя по серебру воды и строгости береговых линий – моря холодного и сурового, лишь на время смягчённого лучами наконец-то прорвавшегося сквозь облачность солнышка.

– Динка, подожди, давай я тебе косичку заколю, чтобы не намокла!

Иллюзия холодной бухты сурового моря исчезла. Анна оглянулась. На пляжик спустилась Дина с мамой Риммой и девушка, похожая на женщину племени майя. Девчушка уже скинула с себя все одёжки и нетерпеливо переминалась на песке, пока мать закрепляла на затылке её толстенную косичку.

– Вы что, купаться будете? – помахала им рукой Анна.

– Ага, – кивнула Римма и тоже принялась стягивать с себя футболку и штаны. Анна поёжилась. Хоть и выглянуло солнышко, а всё равно температура градусов шестнадцать, не больше.

Тем временем вся троица освободилась от одежды и нагими нимфами замерла у кромки озера, трогая ногами воду.

– Нормальная, – сказала Римма. – Куда бы полотенца пристроить, чтобы не испачкать и потом сразу найти?

– Давай подержу! – протянула руки Анна, принимая большие махровые полотенца. Тяжёлые. Это ж надо такой вес почём зря за спиной таскать! И как потом такие полотенца высушивать? Всё-таки не зря она вместо махрушки вафельную тряпочку взяла. И завернуться в неё можно, и сохнуть будет быстрей.

– Ой, а моё полотенце вам не трудно будет подержать? – попросила «женщина майя».

– Давай, – согласилась Анна, приняв и её полотенчику, такое маленькое, что только лицо вытирать и хватит.

Освободившись от последних тряпок, нагие нимфы взяли за руки и с визгом кинулись в воду. Пробежали метров десять и, устав ждать, когда доставшая всего по пояс вода поднимется высоко, плюхнулись в озеро, поднимая тучи брызг. Девчушка в этой ситуации чувствовала себя лучше всех – нырнула в воду с головой и тут же вынырнула с восторженными воплями. Под них нимфы и вернулись бодрой пробежкой обратно на берег.

– Динка, ну что же ты голову намочила! Зачем я тебе, спрашивается, косу закалывала! – сокрушенно говорила Римма, вытирая дочке волосы одним из своих роскошных махровых полотенец.

– Высохнет, мам, – счастливо жмурилась девчонка, закутавшись во второе полотенце.

– Сейчас оденешься и беги к костру, а то до утра не высохнут!

– А вы почему не купаетесь? – спросила у Анны «майя». Она наскоро промокала длинное бронзово-загорелое тело своей маленькой тряпочкой.

– Да холодновато, по-моему, – неуверенно предположила Анна. Судя по абсолютно счастливой троице, которая балдела, будто находилась не у северного озера, а где-нибудь на крымском пляже, температура для купания была самая подходящая.

– Нет, что вы, очень хорошая вода!

Теперь «майя» абсолютно сырой тряпочкой пыталась подсушить намокшие волосы. Её чопорное «вы» царапало Анну своей неуместностью.

– Слушай, мы ведь договорились, что все в группе на «ты». Давай на «ты», а? – попросила она.

– Да как-то не очень удобно незнакомому человеку «ты» говорить, – задумалась девушка.

– Наташка, ну ты даешь! – захохотала мама Римма. – Стоит на берегу голышом и политес разводит! Раздеваться ей удобно, а «тыкать» – нет!

– Я Анна, так что я уже знакомый человек! – тоже засмеялась Анна. – Пойду, попробую вашу воду! Если тёплая, так и быть, окунусь!

Она подошла поближе к воде, скинула ботинки, носки и вошла в озеро. И тут же выскочила обратно. Вода показалась ледяной.

– Слушайте, да вы моржихи какие-то! Холодная вода!

– Ну что ты, если сразу прыгнуть – очень хорошо! Плохо, что отмель у берега, – улыбнулась Римма. Она уже почти оделась. Её дочка тоже натянула футболку и расправляла по спине влажные пряди волос.

– Вы уже оделись? Подождите меня! – спохватилась и «майя» Наташа, поспешно натягивая трусики.

Бывшие нимфы уже уходили по тропе к лагерю, когда со стороны скользких камней послышался визг и плеск. Оттуда ныряли в озеро. Анна выглянула из-за близких к воде деревьев. Видимо, в том месте было поглубже, и Арсений плыл от берега мощными гребками. Отплыв, он встал – плечи и голова над водой – и с хохотом принял двух гребущих в его сторону женщин. Одна из них была блондинка, вторая – темноволосая, обе они, белея плечами, спинами и грудями, с визгом повисли у него на руках.

«Да, похоже, он не шутил, когда говорил, что купальники в походе не понадобятся. Я-то думала, от того, что вода холодная. А оказывается от того, что народ предпочитает нырять в натуральном виде. Это я что, к нудистам, что ли угодила? И как это меня угораздило?» Анна

присела на камень и опять посмотрела на озеро. Теперь солнце светило как-то так, что вода в нём поменяла цвет и стала абсолютно голубой. От озера веяло таким покоем и величием, что Анна отмахнулась от всех своих мыслей. К нудистам, так к нудистам. Подумаешь. Они ребята смиренные, силой никого не раздевают. Главное, вот оно, озеро. И она за весь день ни разу не вспомнила о Кирилле.

– Слушай, по-моему, всё это хрень абсолютная!

Кирилл с раздражением оттолкнул от себя исписанные листки и потянулся в кресле.

– Целый день сидим, идиотничаем!

– Ну почему идиотничаем, – обиделся Вовка Умницкий. – По-моему, создать передачу на областном телевидении типа «Фитиля» и рассказывать про всякие бяки антинародные – очень хорошая идея. Ты ведь знаешь, как наши тётушки-бабульки любят журналистам на несправедливость пожаловаться. А тут ты, на коне и весь в белом, клеймишь, срамишь, защищаешь сирых и убогих. Представляешь, какие у тебя будут рейтинги?

– Представляю. Только, чтобы передача сыграла, она должна быть еженедельной. И материалы такие, чтобы каждый – навывлет. Чтобы потом весь город гудел. Как ты думаешь, мы сможем в течение... – Кирилл сделал паузу, подсчитывая и поигрывая авторучкой, – двадцати недель выдавать суперсюжеты на местном материале?

– Ну сможем, наверное, если захотим, – убавил запала в голосе Умницкий. – Если собрать толковую съёмочную бригаду...

– Вот именно, – поднял Кирилл авторучку. – Собрать толковую съёмочную бригаду и заплатить ей толковые съёмочные бабки. Местные архаровцы путного ничего не снимут, сам знаешь, какие они тут шедевры выдают, ни картинки, ни текстов вменяемых. Это надо ребят из Москвы приглашать, прикинь, в какую копеечку это нам влетит. Да и Кривцов просто так областной эфир не даёт, денег требует.

– Ну, мы можем пустить твою программу на моём канале, – опять воодушевился Умницкий. – Опять же у меня корреспондентка есть, Олеся Лужина. Девка – огонь, везде пролезет, всё узнает. Можно её привлечь. Ну, ты, наверное, видел, она передачу делает «Под прицелом».

– Твой канал только в городе целится, всю область не покрывает. А мне весь электорат нужен, полностью, понимаешь?

– Понимаю, – поник Умницкий и замолчал.

Анна, не особо прислушиваясь к спорам мужчин, опять перебирала в уме варианты. Шефство над детским домом и организация концерта со сбором средств в пользу сирот... Хорошо, но хлопотно – местные артисты большого резонанса не дадут, а если московских приглашать, именитых, то те денег потребуют. Открыть столовую для малоимущих... Можно, конечно, но опять не то. Опять куча хлопот, денег и согласований, а на выходе – облопавшиеся на дармовщину бомжи, которым всякие выборы до лампочки. Устроить какой-нибудь городской фестиваль? Это уже лучше, народ любит праздники, рекламодателей можно подтянуть, Умницкий берётся задействовать свои связи. Но тут может получиться палка о двух концах. Если не оплатить статьи, местные СМИ, прикормленные Гришаковым, вторым кандидатом в сенаторы, могут не особо расписывать роль Кирилла Землянова в организации этого праздника. А могут и вовсе завернуть что-то вроде «пира во время чумы». Лично она на месте Гришакова такую возможность пощипать противника в своём журнале не упустила бы. Тем более, что «чумы» в области было предостаточно – и ветхие аварийные дома с фекальными разливами на первых этажах, и многочасовые очереди в поликлиниках, не укомплектованных ни врачами, ни оборудованием, и абсолютно раздолбанные, до ям и провалов, дороги, и парочка кинувших граждан строительных компаний, пообещавших построить квартиры, собравших денег и уже третий год не продвинувшихся далее вырытых на пустырях котлованов.

А то, что Кирилл воспринимают противником, становилось всё очевиднее. На областное телевидение на интервью не зовут. Передачу, которую он собирался с ними делать (не «Фитиль», а другую, обзорно-аналитическую) Кривцов, председатель телерадиокомпании и приятель Гришакова, завернул. Вернее, денег потребовал за производство и эфир. Мол, в бюджете канала эти расходы не предусмотрены, сам деньги ищи. Непонятно, как и где просочилась информация. Может, Кирилл не удержался, трепанул кому, может быть, проболтался кто-нибудь из несостоявшихся инвесторов, которые чего-то испугались: из трёх желающих денег на предвыборную компанию дал только один, остальные решили пока повременить.

А может, кто-то умный и осторожный сопоставил факты и вероятности. Ведь позвонил же в конце января им в Москву Вовка Умницкий, сокурсник и приятель Кирилл, ныне владелец городского коммерческого телеканала, и попросился в предвыборную команду. Сказал, что слухи ходят по городу, что Кирилл будет баллотироваться в губернаторы. И что он, Вовка, предлагает свою помощь и посильное участие.

Передача... Да, передача стала бы хорошей фишкой, не требуй она столько времени и сил. Еженедельно шнырять по области, выискивая ударные темы и подавать их так, чтобы за душу брало. А потом добиться, чтобы на сюжеты среагировали власти и чиновники... Сизифов труд. Эти бегемоты такую шкуру толстую отрастили, такой иммунитет к жалобам и уколам прессы приобрели, что если их и проймут сюжеты, так только те, что центральные каналы покажут. А откуда у них деньги центральным каналам платить? Тот же НТВ такую сумму заломит, целый фильм снять хватит! Стоп... Фильм!

– Вовка, а много уже твоя корреспондентка наснимала? Ну та, которая под прицелом? – спросила она Умницкого, стараясь не упустить забрезжившую мысль.

– Да порядочно. Год уже передача идёт. Между прочим, с хорошим рейтингом, после каждого эфира писем мешок и звонков куча. Благодарные телезрители сообщают очередные факты и зовут приехать к ним на съёмки.

– А эта твоя Люся Ложкина...

– Олеся Лузина.

– Ну да! Она действительно толковая девчонка?

– Да она репортёр от Бога! Нахальная, шустрая, никого не боится, везде пролезет, Когда в нашем роддоме старшую накрыли, которая младенцев за границу продавала, Олесяка умудрилась в родильное отделение пробраться и интервью взять у санитарки и одной из этих малолеток, что от младенцев отказывались! Эксклюзив, между прочим, получился, журналистов туда вообще-то не пускали!

– Скажи, а может твоя Лузина потрясти архив и проанализировать, что там до сих пор актуально и что в эфире прогремит, как следует?

– Сможет, конечно, – кивнул Вовка, всё ещё не понимая, к чему клонит Анна.

– Ань, ты что, хочешь таким образом снизить расходы на передачу? Но это всё равно геморрой страшный! – Кирилл тоже не понимал.

– Нет, Кирюш. Я думаю, нам с тобой надо сделать фильм. Помнишь, у Говорухина был в конце восьмидесятых «Так жить нельзя»? Вот и нам нужно сделать нечто подобное. На местном материале. И проанонсировать его в центральной прессе. И не платить за эфир, а продать фильм кому-нибудь. Тому же НТВ. Или первой кнопке.

– Ань, но это должен быть очень хороший фильм, – Кирилл перестал поигрывать ручкой, сел прямо и внимательно смотрел на жену.

– Будет. Я вместе с Вовкиной Ложкиной...

– Лужиной!

– Не важно. Я вместе с этой твоей девочкой просмотрю материал, подумаю, напишу приличный сценарий. Кирюха выпишет хорошего оператора, например, того же Бориса Степанова, который прошлый фильм снимал, поедит с ним на съёмки, в кадре поработает. Кир, пом-

нишь, как Парфенов в своём «Намедни» ходил? Вот что-то в этом роде, дашь эффект личного присутствия. Чиновников потрясёшь, надо будет, снимешь скрытой камерой. Представляешь, какая штука может получиться?

– Представляю! – Кирилл опять откинулся в кресле и смотрел на жену с ошеломлённой улыбкой. – Ань, по-моему, это потрясающая идея. И по деньгам вполне подъёмная.

– Да, – кивнула Анна. – Так что, Вовка, на следующей неделе я приезжаю в наш город, ты знакомишь меня с Лужиной, и мы начинаем с ней добывать изюм.

– Какой изюм? – опять не понял Умницкий.

– В передаче должна быть основная идея, изюминка, стержень, на который нанизывается сюжет. Вот я и посмотрю, что в материалах твоей репортёрши может стать такой изюминкой.

На обед Арсений вместе с тихой смуглянкой – как выяснилось, её звали Оленька – сварили гречку с соевым фаршем. Добавил в котёл приправы из пакетика, плеснул душистого масла из бутылки, и каша получилась на удивление вкусной. Анна положила немного на дно своей литровой кружки – жестяная и очень лязгала с собой за вес и была выбрана – съела пару ложек, оценила вкус и с удивлением обнаружила, что совершенно не голодна. Однако! Попить чайку в поезде, затем пройти по перевалу километров двадцать, за весь день съесть пару кружочков кураги и не чувствовать голода! Определённо, с ней что-то происходит. Может быть её организм, измученный затяжным обжорством, решил сделать паузу?

После того ужасного звонка она вдруг стала много и часто есть. Просто запихивала в себя, как в топку, бесконечные конфеты, сырки, куриные крылышки, будто надеялась, что вместе с едой переварятся все те тоскливые и тёмные мысли, что донимали днями и не давали спать по ночам. И действительно, после приступов обжорства тоска ненадолго отступала. Но не переваривалась, а откладывалась складками на боках и животе – всего за две недели Анна прибавила четыре килограмма и не влезала в джинсы. Пришлось в поход старые Жанкины брать, а она, между прочим, носит пятидесятый размер.

Анна съела ещё ложку каши – вкусно, но не лезет! – и поискала, куда бы вывалить остаток.

– Народ, – сказал Арсений, накладывая себе добавки, – предлагаю подумать, кто с кем будет дежурить. Дежури́м по двое, один отвечает за костёр, второй, а лучше – вторая, за кашу. И ещё нужно решить, кто отвечает за дрова.

– Чур, я, чур, – я за дрова! – Янка отвлеклась от своего горшочка (её пузатенька фаянсовая чашка-кружка именно на него и походила – на ночной горшок) и, словно школьница, затрясла поднятой вверх рукой. – Обожаю рубить дрова и ненавижу готовить!

– Ладно, отвечай, – согласно моргнул белёсыми ресницами Арсений. – Да, вот ещё что. У меня предложение устроить круг прямо сейчас.

– Что устроить? – переспросил Андрей, примеряясь доложить каши себе и сыну Павлику.

– Круг, круг, подведение итогов дня. Обычно мы такие вещи вечером перед сном устраиваем, но я предлагаю сделать это прямо сейчас. Во-первых, познакомимся, а во-вторых тот, кто устал, сможет лечь спать пораньше.

– Давайте, давайте устроим, – захлопала в ладоши блондинка. – У меня уже столько впечатлений!

– Тогда можем начинать. Кстати, если кто-то хочет на время похода назваться другим именем, хочет прожить этот кусочек жизни как другой человек, он может это сделать. Я, например, предпочитаю, чтобы в лесу меня звали Лесовик.

– А меня зовите Ида, я буду Ида, – мечтательно сказала блондинка. – Я буду идти по берегу этого замечательного озера, идти, идти, всё останется позади, и звать меня будут Ида...

– А я беру себе имя Медея, – сказала девушка с бесстрастным лицом и обвела всех спокойным холодным взглядом.

- Отличное имя, – кивнул Арсений-Лесовик. – Вась, а ты у нас теперь кто?
- А я теперь буду Климентий, – задумчиво сказал Вася-«испанец». – Что-то я тут подумал, подумал и решил, что пора мне побыть Климентиём.
- Климентий! – попробовала новое имя Янка и развеселилась. – Слушай, а давай я тебя буду Ментиком звать!
- Не надо меня звать Ментиком, я Климентий, – не согласился бывший Вася.
- Янка, а ты у нас кто будешь? – прервал Янкино веселье Лесовик-Арсений.
- Янка и буду, меня моё имя устраивает, – пожала плечами та и вдруг заорала в сторону Анны: – Ой, ой, пока не знаю, как тебя зовут, оставь покурить, а?
- Анна оглянулась – за её спиной попыхивал трубочкой отец семейства, муж Риммы.
- Женя меня зовут, Евгений Верещагин, – невозмутимо сказал он и протянул Янке трубку. Та сделала затяжку и, щекастая, приземистая, с «ночным горшком» в руках и трубкой в зубах стала похожа на атаманшу из какой-то сказки в стиле «сюр».
- Я Римма, это Дина, – остальные Верещагины тоже решили оставить себе родные имена.
- А я хочу поменять имя. – девушка, которая недавно купалась гольшом в озере и стеснялась говорить Анне «ты», смотрела в огонь напряжённым взглядом. – Есть одно имя, с которым у меня связаны очень неприятные воспоминания и переживания. Я хочу избавиться от этой зависимости. И поэтому пока я здесь, пусть я буду Майя.
- «Ого!» – внутренне охнула Анна. Надо же, как она с именем угадала! Майя из племени майя!
- Анна, а ты? – спросил Арсений. Пришла её очередь представляться.
- А я Анна. Я не хочу быть кем-то другим. Пусть всё, что здесь случится, случится со мной.
- Арсений кивнул, а народ продолжал называться:
- Андрей.
 - Павел
 - Сергей
 - Оля.
 - Кирилл
- «Ох, лучше б ты назвался Филимоном!»

Глава 5

– Мне нужна модель, – Лесовик огляделся и сделал жест, отказываясь от радостно подавшихся к нему Иды и Оленьки. – Нет, девчонки, не вы. Мне нужен мужик поздоровее. Вот, Андрей, например ты.

– Пожалуйста, – пожал плечами Андрей и вышел на середину.

После обеда прошло какое-то время и Арсений – Анна старательно себе напоминала, что он Лесовик, но новое имя в голове никак не укладывалось – теперь показывал, как работать с перегруженными мышцами спины и плеч.

– Вот, смотрите, – Лесовик положил Андрею между лопаток свой довольно увесистый на вид кулак и плотно прижал руку к спине. – От локтя до кулака у вас как бы рычаг, и вы им двигаете по спине, как бы раздвигая мышцы. Двигаете по окружности или по восьмёрке. Андрей, а ты не сопротивляешься моим движениям, а принимаешь их и пропускаешь, позволяя мне двигаться. Давай!

Лесовик задвигал кулачищем по спине Андрея, и тот начал поддаваться, побряхтывая от, по всей видимости – болезненных, – разминаний.

– Не терпи, звучи! – велел Лесовик, и Андрей закричал погромче, явно стесняясь орать в голос при всём честном народе. – Вот так мы стесняемся и консервируем в себе всяческие зажимы, – прокомментировал Лесовик. – А их надо выпускать, и если требуется – орать.

Он как-то особенно тщательно провёл локтем по пояснице Андрея, тот аж присел, подываясь траектории, и вдруг рявкнул во весь голос.

– Вот! – обрадовался Лесовик, прорываясь через общий смех и аплодисменты. – Наконец-то проняло. Ну, как ощущения?

– Ты знаешь, хорошие, – недоверчиво пошевелил плечами Андрей. – Вообще ничего не болит. Спасибо.

– На здоровье. А теперь разберитесь, кто с кем, и проделайте в парах то же самое.

Анна встала в пару с Оленькой – девочка оказалась толковой и с некоторым опытом. Она кулаком и локтем как-то так вымешивала Анне плечи и между лопатками, что мышцы, натруженные рюкзаком и обещавшие назавтра разболеться по полной программе, вдруг передумали. После непродолжительных Аннинных стонов и побряхтываний они распустили все свои узелки и растекались в благодарной расслабленности. Потом попробовала Анна – рука, жёсткая от кулака до локтя, двигалась по чужой спине восьмёркой, и Оленькины косточки прогибались, будто резиновые. Девчонка вскрикивала, Анна боялась, что повредила что-нибудь с непривычки, но Оленька успокаивала, что всё идёт правильно.

Потом они растягивались друг у друга на спинах, но тут уже ни Анна, ни Оленька не решились поднимать одна другую. Тоненькую Оленьку, в итоге, потянул Андрей. Анна же, поглядев, как более хрупкий, чем Андрей, Кирилл уверенно растягивает Янку: взвалил спиной к себе на спину, стоит, согнувшись, за руки её тянет и слегка покачивается, чтобы та в пояснице потянулась (она лежит, ноги свесила, голову запрокинула, побряхтывает), решила, что её тело ну никак не тяжелее.

– Кирилл, меня потянешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.